

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ДЕМЧЕНКО

РОМАШКИ
ДЛЯ КОРОЛЕВЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Мир Саймили

Оксана Демченко

Ромашки для королевы

«Автор»

2010

Демченко О.

Ромашки для королевы / О. Демченко — «Автор», 2010 — (Мир Саймили)

ISBN 978-5-9922-0555-8

Эльфы – злобные мелкие существа. Женщины гномов бородаты и страшны собою. Ведьм следует жечь, особенно черных. Мудрые прячут знания оттого, что жадны... Заблуждений немало у любого народа. Они разделяют прочнее Черной стены, опоясавшей страну эльфов. И помогают окрепнуть, набрать силу большому злу, опасному для всех. Преодолеть беду можно. Правда, для этого гномам придется учиться верховой езде, а Совету мудрых признавать свою неспособность объяснить природу и границы способностей одной деревенской ведьмы... Кстати, лучше о ней – шепотом. Ее даже демоны побаиваются, и правильно делают. Она ведь сама не знает, на что способна.

ISBN 978-5-9922-0555-8

© Демченко О., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Гном в верхнем мире	8
Враг всех эльфов	28
Барабаны войны	51
Самый упрямый ученик	57
Добрый след	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Оксана Демченко

Ромашки для королевы

Старый маг Хорий бережно протер крышку каменного ларца, облокотился на нее и поднялся с колен. С уважением тронул полированный камень еще раз. Бессчетно веков этому ларцу – и ни единой трещинки. Беспросветное зло запереть могли только великие мастера, эльфы и маги прошлого. И они уважали силу ордена.

Когда-то орден был многочислен и славен. Он хранил древние тайны, копил славу, наслаждался властью и придирчиво избирал учеников. Это было неизмеримо давно, и старик не застал те времена, даже следы их истерлись, как растрескавшиеся ступени.

В пору, когда Хорий был юн, этот замок уже пустовал. Ветер тосковал в каменных лабиринтах, волки вторили ему за крепостным валом, осевшим в болотистый грунт... Весь орден составляли пятеро магов, таких же стариков, как он теперешний. Ничуть не капризных и слабой не избалованных, какое там! Брошенные, иззябшие душой, маги соскучились по молодым голосам и заботе, вот почему они охотно приняли учеником первого встречного – в глушь лесов, что залегли у самой Черной стены, давно не забредали люди. И он бы не пошел – слухи приписывали буреломным зарослям дурные и нелепые свойства. Мол, выходят из-за Стены черные эльфы и уводят людей в рабство, от которого не спасает сама смерть. Даже звери в лесах – их тайные слуги, наделенные злой магией неумирающих, которых деревенские сказки именуют «неупокоенными», намекая, что смерть давно прибрала их души, но почему-то не позаботилась о телах...

Вот как время переворачивает привычное. Когда-то эльфов считали доброй былью, а теперь зовут злой сказкой. И здесь, у Черной стены, – всё чаще.

Хорию, бежавшему в леса от гнева правителя, повелевшего уничтожить весь род до седьмого колена, выбирать не пришлось. Сперва думал вернуться, когда погоня потеряет след. Надеялся осесть в в безопасной глуши, где хоть раз в год люди проходят, их голоса звучат, не забываются...

Стена башни выросла перед ним – как из сказки. Пока юный Хорий шел лесом, не было ее. Потом, раз – чуть носом не уперся. Древняя магия, так прятать теперь не умеют... Хорий осмотрел стену и пошел вдоль нее, удивляясь: эдакая силища – и кругом сплошное запустение. Ворота ему открыли старики. Они же накормили, дали комнату и одежду, допустили к общей работе, ни в чем не выделяли, не ущемляли как младшего. Зима прошла незаметно, лето промчалось и того быстрее. Уходить он иногда порывался, но каждый раз что-то мешало.

Потом привык, привязался к старикам, а со временем сам начал учиться забытому искусству магии по книгам, какие не уцелели более нигде, даже и в лучших королевских библиотеках. Старики хвалили, называли одаренным и усердным. Лес шумел, его голос все становился роднее и понятнее, а мир людей с их суетой и бестолковостью – забывался, терял притягательность. А потом пришло время, и Хорию рассказали о главном деле ордена. Стало понятно: служение передать более некому. Маги ушли один за другим, а он принял бремя ответственности за тайну и честно исполнял дело день за днем...

Старик закашлялся и устало уселся на каменную крышку ларца. Таких вольностей в обращении с заклтым сосудом он себе не позволял, но годы – они о церемониях не думают. И ему, последнему из рода Хориев, ученика ждать не приходится. Давно заросли тропы к древней башне, людские поселения под натиском суеверий отступили за хребет.

А более предрассудков, само собой, постарались ведимы. Страшное племя! Хуже чумы и пожара, пришедших вместе, и даже в сопровождении голода, наводнений и камнепада.

Ведимы, или прирожденные маги, – так принято звать породнившихся с демонами полулюдей. Они черпают магию из собственной крови, несущей темные токи глубинного зла. Сила ведимов питается страхом и сама же растит его, не зная границ.

Хорий вздохнул, сокрушенно покачал головой, крепче оперся о посох и поднялся на старые непослушные ноги. Орден выстроил башню, чтобы сокрыть ларец, древнейшую из своих тайн – и самую опасную. Род ведимов идет от неприкаянных демонов Огня. И, как гласит пророчество, однажды он пресечется, если не получит новых душ и не возродит демонов. Орден надеялся пережить ведимов и покончить с их злом. Почти преуспел – люди без малейшего дара в крови создали заклинания и подчинили себе силу почти так же прочно и уверенно, как эльфы и гномы. Но последней войны с ведимами, о которой люди вне круга посвященных и понятия не имеют, орден не осилил. Да, он выстоял и сберег тайну, но хранителей уцелело так мало, что передать великое знание стало некому...

Правда, и полулюди пострадали в войне. Истратили силы, непрерывно заклиная Огонь в поисках спрятанного ларца. Погибли в столкновениях с магами, унося и жизни людей ордена.

Когда Хорий пришел в обитель, немногочисленные старики-маги твердо знали: враги вымирают. Огонь более не горит в крови их женщин, именуемых в древних книгах ордена «углями силы». Маги-мужчины, обозначенные там же как «пляшущие Огни» слабеют и стареют. Каких-то сто лет – и всё будет кончено...

Хорий закричал и, тяжело шаря по стене, на ощупь двинулся вниз по винтовой лестнице. Он узнает, когда последний из Огней тьмы не найдет достаточно силы, чтобы плясать, и след его растворится во мраке, откуда однажды пришел, чтобы проклясть мир. В тот день ларец станет обычным камнем, и рука, касаясь его, не будет ощущать пытки льдом и жаром. Пытки, рождаемой близостью душ трех последних демонов. Пока еще эти души не стали пеплом – и ведимы пляшут и воют, уговаривая ночь вернуть им полноту страха и силы.

Давно, полвека назад, Хорий остался в холодном кольце каменных стен, чтобы беречь тайну. Необходимость ежедневного заклинания сосуда зла становилась для него с каждым годом всё более тяжелым бременем. Но, если не читать нужных слов, полулюди узнают, где укрыт ларец. Как гласит древняя легенда – достаточно поднять крышку, чтобы демоны вернулись в мир. Еще в книге сказано: «В каждом роду живущих найдут обремененную ненавистью душу и раздуют огонь, и большая война возожжет угли, даруя пляске Огней необоримое могущество, и иссякнет свет».

Хорий добрал до своей кельи и устало уселся. Слабо махнул рукой, затеплив пламя в очаге. Придвинул мисочку с жареными семечками и достал из корзины орехи. Белки наносили ему грибов и разносортных ядрышек – чищенных и в скорлупе, птицы отдали свое уважение ягодами. Жизнь мага не так уж плоха. Жаль лишь, что старость подступила вплотную, и ни одно заклинание уже не распрямит спины, не вернет сил и не восполнит угасающую зоркость. Лет десять назад он приметил признаки идущей под гору жизни и очень испугался, что покинет мир – и некому станет продолжать дело ордена. А потом решил: он в ответе лишь за то время, что отпущено ему богами.

Он человек и должен делать посильное, а прочее – забота высших. Нет у человека права и власти вмешиваться в их промысел. Даже если боги задремали и недоглядели.

В последние годы Хорий все чаще подозревал тайком, что бессмертные не избежали непомерности времени. Их слух ослаб, зрение притупилось, память дает сбои. А дети богов бегают невесть где и не желают принимать бремя ответственности за созданный родителями мир Саймии, потому что это – чужая и непонятная игрушка.

Старик закричал, кутаясь в войлочное одеяло.

– Неслухи и недоросли, – пожаловался он ворону, своему единственному собеседнику. Тот пережил несколько поколений магов и давно обрел право считаться мудрым по-настоящему. – Недоглядят!

– Прахом пустят, – хрипло отозвался клювастый.

– Именно, – закивал старик. – Небось, налепили наспех мирков, криво да неумело, там своих бед предостаточно. Вот и стоит наша Саймилия без пригляда. Как старый сенной стог. И дела им нет, пока не запыляется...

– Страшно, – согласился ворон.

– Демоны – они как гроззовые огни или искры, – сонно прошамкал Хорий. – Здесь припрятаны и всем до поры не страшны, можно и не помнить о них. А как в силу войдут, и богам мало не покажется. Пока погасят – всю лужайку в пепел, а ведь не муравьи – люди, эльфы, гномы... целыми странами погорим. Дальше – хуже, мир за миром займутся войной, и, кроме демонов и ведимов их окаянных, никому от этого пожара радости не будет.

Гном в верхнем мире

Сын рода Гррхон, от рождения первых гор правящего в глубочайших шахтах Гхросса, сердито и неодобрительно глянул в сторону солнечного горна, раскалившегося уже почти добела. Сощурился и отвернулся. У бога Опрокинутых озер золото не переводится, а сияние его горна озаряет весь мир поверхности. Хорошо хоть, ночами Труженик спит. Людям сияние его огня желанно, а для гномов оно мучительно. Как и Опрокинутые озера неба – без края, лишенные крепости настоящего каменного свода. Ни тебе опор, ни следа кирпичи. Колдовская работа! А гномы сами не колдуют и иным не советуют.

Рртых прищурился и зашарил по карманам. Благо, в любимой куртке их десятка три, да и штаны походные неплохи, есть куда рассовать ценное барахло. И просто барахло. Поди пойми, может, сегодня оно не件зно, а завтра сгодится в самый раз.

Гном с сомнением изучил старый вощенный листок с узором. Ножны, заказ из южной Бильсы. Им коней подавай – да побольше, табуном. Из-за этого пришлось месяц к свету глаза приучать и лошадок рассматривать, день за днем. Спасибо, егеря человечьи помогли, не отказали. Заказчик как коней своих увидел – затрясся. Может, впрямь неплохи? Приятное было дельце, небольшое, но памятное. Год, как исполнен заказ, пивом с перцем запит и забыт, – а задумка все шуршит по карманам. Рртых повертел листок, усмехнулся и снова убрал. Гномы запасливы, а воценка для растопки хороша. Как любая бумага.

Ох и побегал Рртых Второй, знаменитый тезка, куда секретик у олффов умыкнул! Да и после, как в погоню за ним пустились сторожа, архив олфовский берегающие... все как есть – маги, наисильнейшие. Но Рртых оказался хитер и проворен. Славное дело совершил, как жить без бумаги? О том есть песнь, и ведома она каждому жителю подгорья. Почти так же любима, как и большой сказ о Рртыхе Первом, великом бойце гномов.

А он вот – Третий из Рртыхов, пока ничьих добрых слов не заслужил, даже и без стихотворчества. Как тут отличишься, когда олфы Стеной отгорожены, а люди, слабаки вершинники, не накопили тайн, достойных кражи. Может, изобрести чего? Вот как прадед хотя бы. Малую войну умудрился в один день выиграть, без большой крови и долгих мстительных обид, а уж к старости вовсе род прославил. Очки выплавил, да не только темные, но и для улучшения зоркости годные. Вторые, слава Рудокопу, Рртыху без надобности, а вот чернью покрытые – самое оно, годны. Без них к вершинникам только мальчишка пустоголовый полезет напрямик из шахт.

Славное и полезное изобретение – дымчатые очки! Одна беда – хрупкие они, нежные... У Рртыха, гнома обстоятельного и запасливого, было с собой три пары. Одна не вынесла последнего шкуродера. Всё ж лазы не для его роста и сложения обустривались. И так чуть не голый полз, вещи следом волок, так все одно, не сохранил кожаный чехол целости стекла. Вторая пара ухнула в щель с мешком провизии, сильно расстроив не склонного к голоданию гнома.

Зато последние, любимые, бережно уложенные в медный узорный футляр его собственной чеканки, – выжили. И теперь гордо оседлали короткий нос, плотно и надежно угнездились под кустистыми бровями, оперлись золотом оправы в широкие скулы. Благодать!

Еще бы, дурное дело – смотреть на чужую плавку, не защитив глаз. В давние времена гномы из-за беспечности слепли и к старости звались Кротоми. Так и бродили по привычным, наизусть знакомым, пещерам, бормоча под нос глупости о ненужности и бессмысленности зрения. Всегда так: чего лишились – то и хаем! А как без него? Ни тебе руду распознать, ни камень оценить, да и девушки, проныры расчетливые, тоже пользуются. Сколь сказок у гномов напридуманно, с грустной яви подсмотрено: сама тоща да уродлива, три фута с половиной роста в ней, – а слепому и не разобрать! И до богатства коварная пройдоха дотянется, и род испоганит.

Тощий мелкий квелый гном – это не просто позор, а настоящее несчастье! В шахтах такой не надобен. Выработки с него чуть, а трав на лечение уходит – как на трех здоровых. За золото у вершинников выменянных трав, между прочим! Так, по женской злобе, погибли, сошли до убогого жития в верхних пещерах, некогда славные Ллтыхи и Пфтттуры. Были в древние времена по пяти футов ростом, а теперь смотреть тошно! Четырехфутовые недомерки уже имеются – и до того, по правде если, не дотягивают, каблуки в моду ввели! Тьфу, ну прям позор древнего горняка!

Рртых нервно дернул головой. Короткая шея еле позволяла это движение, вовлекая в него всю массу плечевых мышц. Если разобраться, то мысли глупые и недельные. Его работа ныне – не руду прошлого перемывать да сортировать, а выйти на поверхность и глянуть толком, что за беда у вершинников, отчего перевалы пусты? Тихо глянуть, тайком. Оттого и ползти пришлось старыми норами, узкими и ненадежными. Отец, вот уж королевская кровь разыгралась, взялся послать в дозор упомянутых Ллтыхов. Недомерков, которые против горного барса и вдвоем не встанут! Кошек они, вишь ты, опасаются... Рртых сердито хлопнул футляром, убрал его в ближний нагрудный карман. Снова фыркнул. Недомерки трусоватые, ничем славы не заслужившие – и всё ж пошли наверх. Им и дорогу наладили, и припас полный дали, и проводников из наилучших – как же, слабаков теперь беречь принято. А что такие рассмотрят? Да ничего, у них в роду из любых пяти старших трое – Кроты! Как разгорится горн в Опрокинутых озерах, мордами в песок зароятся и будут ныть до сумерек.

Потому для него, для подгорного принца, верное дело – лично все провести и собственное мнение выковать бережно, без спешки. Чтоб не с чужих слов узор-то угадывать, на росказни полагаясь.

Он и отцу так объяснил план. Казалось, не понять невозможно! Рыжий Кныттф, правящий всего-то полвека, еще молодой и готовый к новым замыслам, как ни странно, не воспринял здравую идею. Точнее, очень даже воспринял, и своего обожаемого «малыша», ростом как раз в упомянутые пять футов, да еще и с тремя дюймами сверх того, усердно запер в нижних штольнях.

Запер!!!

Рртых зарычал от мерзости воспоминания. Именно так и было, да еще хуже, отец объяснил негромко и сердито: когда из щелей сочится гремучий газ, для выяснения меры опасности используют птах, а сами – благо, разум есть, – берегутся и наблюдают. Ллтыхи и есть канарейки, чего их жалеть? Сказав так, Кныттф провернул ключ в засове, деловито проверил второй запор, третий... зыркнул на охрану. И ушел, унося золотой фонарь вершинного света, недавнее изобретение гномов. С появлением ярких фонарей выходить на поверхность и приывать к горну Труженика стало проще и быстрее. А отец оставил в шахтах только масляные лампы и факелы. Тоже – милая хитрость. После нескольких недель при тусклых светильниках лишь безумец сунется на поверхность. Враз Кротом сделаешься, да еще и рассудок Труженик отшибет, огнем вершинного горна спалит: он мужик обстоятельный. Ка-ак жажнет золоченым световым молотом по маковке... Рртых нервно уплотнил оправу, прижимая к скулам.

Два месяца прошло с упомянутого разговора. Высочество мрачно долбил скалы и сердился все более, поскольку жила рубинов шла отменная, а радости от их добычи не проявлялось и малой.

Может, Кроты и недомерки, но мыслимое ли дело: гнома равнять с разменной монетой и отправлять в безнадежное дело? Или отец себя перемудрил, или недоговаривает так крепко, что и подумать противно. Уж не война ли у вершинников? Или мор какой загадочный, или маги с ума посходили и шалят? Мысли крутились и шелестели, как шестеренки в хороших часах, передавая бегучую силу идеи тайного похода от колесика к колесу: раз дело неладно – надо бы самому вызнаться вдвойне – раз надо вызнаться, пора из штольни наверх выбираться, а коли не пускают – им же хуже.

Нашли, кого не пускать! Ключи Рртых выковал в первые же дни, по свежей памяти. Очки умыкнул заранее, притащил с собой. Охрану успокоил, выбрав подходящий момент. Связал покрепче, чтоб ребят потом не шибко ругали. Собственно, они ему как раз успели вкратце пересказать то, что сами собирались услышать от величества. Отец в гневе многословен и разнообразен. Да и рука у него, надо признать, в полной силе. Ох, трудное будет возвращение. Вот разве – если с пользой, с большим важным сообщением. Рртых тяжело вздохнул и заранее потер шею. Чего там, и с сообщением будет больно.

Но это – позже.

Пока же проблемы вершинников темны, как угольная штольня. Третий день Рртых носится по горным тропам, постепенно привыкая к тому кошмару, который называют рассветом, и не нашел ни единой живой души! Только след то ли Ллтыхов, то ли следующего посольства – свежий совсем. Вел след по тропе вниз, к большому торговому плато. И обрывался очень неприятно. Были там и кровь, и следы от добротных наконечников стрел лучшей гномьейковки, глубоко изжаливших скалу. Только подгорников не нашлось, как и обычных меток хода боя, оставленных для своих, пришедших с подмогой поздно, не заставших драку. Им разбиться в таком неприятном случае только метки и позволят.

Каждый гном знает нерушимый закон. Напали – отмахни секирой или киркой рядок зарубок: люди тебе враги или гномы, с магами явились или без, сколько их, а если успеешь – то укажи, с чего началась заварушка. Для всего есть простые знаки. Пара движений опытной руки – и готово письмо. Охрана была знатная, из норников, те бойцы настоящие. Неужели и на это у них не нашлось времени?

Рртых решил посидеть возле следа и подумать, а заодно понаблюдать за тропой. Тем более, пока его глаза не способны воспринять яркость раскаленного добела горна Опрокинутых озер. Рртых тяжело вздохнул и задернул полог, усердно уплотнил щели, уже нащупанные пальцами вездесущих лучей. Стало уютнее, обиталище в малой пещерке посетил привычный сумрак. Сперва зеленоватый после избыточной яркости внешнего света, но потом мягкий, домашний. Рртых упибал за спину малый, уцелевший от падения в трещину, мешок. Надо сидеть и ждать заката, чтобы заново поупражнять глаза. И думать, коль времени полно. А объяснение, по первому впечатлению, всего-то одно и неприятное: раз бой был мгновенным, встретили гномов – маги.

Маги есть лишь у людей, и такое начало разговора с посольством гномов называется очень страшно: война... Нет, подобное утверждение слишком серьезно и не определяется одним днем. Рртых встряхнулся. Больших войн давно не было. Так, стычки из-за золота или наивные попытки людей вызнать, где гранят алмазы. Глупости, мелочь. Воров и разбойников ловили общими силами. Егеря страны Рониг – вообще люди толковые, без ржавчины на душе. Судили обычно достаточно справедливо.

Да мыслимое ли дело: вершинникам воевать подгорных? Для них лабиринт ходов даже малого верхнего города незнаком и загадочен, какие там могут быть бои! Сила магов – и та в глубинах не обеспечит верной победы. Потому что есть обвалы, газы, сонный и рудничный взрывчатый, угольная пыль... да мало ли средств! Лезть вниз для людей – самоубийственно.

Однако пропавшее посольство уже третье по счету, насколько ему, Рртыху, известно. Может, и не третье... Папа знал слишком подвижный характер наследника и наверняка оградил его по мере сил от лишней информации. Ну и шлак с ними, с мыслями без достаточных знаний, резко выдохнул Рртых. Лучше выпасться.

С такой здоровой идеей гном устроился в каменной нише, зевнул разок, прикрыл веки и обмяк. Бессонница – самое непонятное для пещерника слово. Настоящее оскорбление. Такой позор приключается лишь с лодырями. И лечится просто – двое суток с киркой, мимо всяких там смен и перерывов, и обязательно по твердой породе. Железное, как и сам гном, средство. Правда, Рртых полагал, это мягкая и слабая мера. Ему доводилось рубить уголь и по три дня.

Ничего особенного, чуток подуставал только. Впрочем, и про бессонницу в роду подгорного короля не слышали. Ленивые гномами не правят – кто таких послушается?

Рртых открыл глаза парой секунд позже – по внутреннему ощущению – ибо сны народу гор неведомы. Довольно потянулся, отмечая, что яркий предзакатный свет в пещерке уже не мучителен для глаз. Еще неделя, и он вполне освоится наверху.

Футляр выплюнул на ладонь очки, темные стекла добавили закату пасмурности. Гном неспешно отодвинул полог и осторожно раскрыл веки. Нормально, если на огненный горн не глядеть. Зато в тенях гномье зрение куда сильнее любого иного. Мир сумерек виден ясно, в полном цвете, да еще если камни теплы – в объеме. Вот она, малая лощина, где подловили посольство, вся, как на ладони. Скалы жмут тропу с двух сторон, лишь одна площадка пошире имеется. Дорожка ровная, для конных обустроена, да и повозка по ней малая пройдет. Только давно уже не бывают тут торговцы. Тем более – к ночи. И лежит лощинка тихая, мирная, пустая.

Пустая?

Гном замер и осторожно нашарил секиру коротким движением кисти руки. Вот и встретил первого вершинника. Лазутчика!

Человек двигался медленно и осторожно, грамотно хоронился за каждым камнем и то и дело замирал, вслушиваясь в вечернюю тишину гор. Достаточно рослый для племени людей, легкий – это оттого, что молод, – Рртых уже разобрался в людской худобе. Бывает болезненная, а случается и такая, она позже в добротную силу перерастает. Многие егеря худощавы. А этот – из них, сразу видно по темной одежке знакомого кроя, по сапогам, тихим на ходу и удобным. Вершинник добрался до камней, иссеченных стрелами, еще раз осмотрелся и встал в рост. Недоуменно тронул следы, метнулся, припал к мелкому щебню тропы, изучил капли старой крови. Сел, принялся задумчиво смотреть по сторонам. Гном кивнул – так он сам делал два дня назад. Пытался понять, кто напал, откуда. Тоже не смог сообразить, глупые мысли в голову лезли, а умные так и застряли на входе. Казалось, будто люди или иные загадочные враги... вышли из камня или ждали в засаде на глухой тропе, уводящей к обрыву, откуда нет пути. Рртых знал про тупик, а лазутчик – нет. До полуночи парень ползал по скалам, заслужив некоторое уважение со стороны Рртыха своим усердием и опытностью в горах. И полностью убедив принца рода Гррхон: человек сунулся сюда один. Не иначе, тоже поперек чьих-то важных указаний. Оно и видно – мальчишка, в кости легкий, в силу еще не вошел толком. Чуть не задохнулся в гномьих лапах.

Утро лазутчик встретил в гостеприимной пещерке гнома, бережно упакованный в собственный плащ. Рот пленнику Рртых затыкать не стал. Просто предупредил – мол, кое-кого тут уже подловили, если нас услышат, тоже не пожалеют. Человек оказался понятливым. И нудным.

– Совести у тебя нет! – заныл он едким шепотом. – Говорят, вы камни грызете и тем сыты. А я нормальной еды хочу, понимаешь? Развяжи, ну куда я денусь!

– Куда я денусь, вот что важнее, – буркнул гном. – Может, они тоже тебя развязали. А ты магов свистнул.

– Уже свистнул бы, если б знал, как, – зло пообещал тот.

– Логично. А вдруг ты сам колдуешь? Руками помашешь, и засну я, дурак дураком.

– А так умный сидишь, – надулся пленник. – После пяти наших посольств, порванных в локуты, сюда никого ценнее пьяни подзаборной не отсылают.

– Так ты еще и выпиваешь лишнее, в такие-то годы? – презрительно скривился гном. – Лентяй?

– Потомственный, – огрызнулся парень. – Я стремной сотника горного егерского дозора. И его сын, кстати. Так что придержи язык. Эх и врезал бы я тебе... ничего, наши подойдут, сквитаюсь.

– Раньше надо было стараться, – беззлобно посоветовал гном, прищурился насмешливо. – Слушай, стремной, а где ваша сотня и та лошадь, у которой ты состоишь при стремени? Я этих зверюг отродясь не видывал, кроме как по делу, ради заказа с ножнами. Но стремена часто ковал, так что знаю. Должна быть лошадь. Здоровенная.

– В конюшне она, – скис мстительный пленник. – Ты точно подметил. Никто меня не посылал в дозор. Только через два дня сюда снова придут наши. Вот я и подумал, надо глянуть заранее, что и как. Засаду устроить.

Гном ненадолго задумался. Интересное дело: и там потери, и здесь недосчет. Кто ж всем гадит? И крепко гадит, умело.

Стремной терпеливо ждал, пока гномьи мысли выстроятся в цепочку решения. Знал – переупрямить подгорников нельзя, но убедить некоторых, давая настоящие факты, можно. Рртых глянул на пленника с растущим интересом. Егерь ему не враг, отродясь такого не случалось, и теперь, спасибо Труженику, не произошло. Вполне симпатичный парень. Загорелый, люди Ронига вообще в большинстве – медные кожей. Правда, это светлая медь, не то, что в Бильсе, степном южном краю. Волос у егеря курчавый и темно-коричневый. Глаза довольно крупные, озорные, переливчато-серые. Хороший цвет. Когда зол – сталь, а как к девкам выбежится, в нижние селения, так, пожалуй, чистый шелк.

Егерь тоже рассматривал гнома с интересом. Собственно, такого огромного подгорника он видел впервые. Отец говорил, что торговые гномы самые мелкие, что торговля по меркам жителей Гхросса – ремесло неудачников. А настоящие гномы работают руками, они руду рубят, сталь куют и бою обучаются. Они выше торговцев и мощнее. Но чтобы настолько? Даже не стыдно, что в плен попал – такому поди возрази. Небось ему и гномихи не возражают. Даже по меркам людей очень симпатичный гном. Волос рыжий, в красное золото, глаза синие, острые, с хитрым прищуром. Кожа светлая, но не бледная. Видно – и наверху он не первый раз, и возле горна стоял часто. Толковый гном, настоящий. И, кажется, уже что-то решил для себя.

– У нас тоже три посольства пропало, если не больше. Так что можешь моей пещеркой пользоваться, – великодушно разрешил гном. – Я сам здесь тайком от своих. Но учти. Сидеть тихо, будить, если что нехорошее начнется, – честно. И как еще один-единственный раз скажешь, что я могу сытым быть, камни глодая, убью. Это не особенно приличная шутка, тем более теперь. С едой у нас уже полгода туго, как с вами не ладим.

– А у нас в зиму было холодно, – пожаловался стремной, выбираясь из плена плаща. – Сестренка кашляла, до сих пор ей худо. Уголь-то ваш в домах очень нужен, как не стало его, подвоз дров не успели наладить. Степь внизу, топить нечем. А зима была лютая. Кстати, звать меня Энтор. А если длинно – виконт...

– Не надо длинно, знаю вашу нудность, – взмолился гном, торопливо соображая, как нестати было бы именовать себя полным титулом. – Рртых. Это мое имя.

– Очень приятно, – кивнул стремной, развязывая свой мешок. – Козий сыр. Это мой завтрак. Присоединяйся.

– Славно, – кивнул гном. – А то, будь неладна кривая кирка, припасы мои ухнули в такую гнусную щель, что и не достать. Ух я злостью изошел: серые дикие крысы пируют, а сам я – хоть подыхай.

Завтрак примирил лазутчиков. Сытость вообще настраивает на благодушный и спокойный лад. Без особых подначек они распределили дежурства. Гном оставил себе ночь, а чело-

век – день, это устраивало обоих. И давало надежду, что неизвестные похитители и губители посольств не останутся незамеченными. Энтор уселся дежурить, одоббив систему маскировки гномьего логова и честно признав, что сам бы так не смог обустроить лаз. Рртых кивнул благосклонно, принимая похвалу – и рухнул в темный глухой сон.

Разбудил его юноша незадолго до заката, усердно зажимая рот сложенным втрое плащом. Гном нервно поправил свои заплетенные в тройные короткие косицы усы, ощупал ленточку-завязку на бороде. Вроде, пока убивать не за что, прическа цела. Наспех устроил на носу очки и подобрался к положу вплотную, недовольно щурясь на излишне яркий свет. Впрочем, сегодня с погодой везло. Дым верхней кузни тянулся через весь свод Озер и застил свет с редким усердием.

В ложине копошились двое.

Едва различив их, Рртых задохнулся и вжался в камни. Рядом, бледнее мела, замер Энтор. Гномы не уважают магию и самих магов побаиваются. Люди опасаются гномьих знахарей, которых зовут шаманами бездны. Те и другие стараются не упоминать ведимов. Правда, люди их переиначили в ведьменей, а гномы – во вддыхров. Но и тех и других к ночи не поминуют. От таких и днем отбиться – большая удача.

А уж в сумерках, когда темные в полной силе...

И без упоминания, незванные, на площадке, где оставил последние следы гномий отряд, копались два ведима. Средних лет, жирноватые, не особенно рослые, в балахонах невнятного серого тона. С неизбежными для их расы черными волосами и глазами, в глубокой тьме которых не различить зрачка. В руках – черные посохи из обугленной мертвой древесины. Из-под коротких рукавов видны локти. И черные узоры татуировки – до самых пальцев.

Гном скосил взгляд на напарника. Тот на миг прикрыл веки. Оба никогда не видели Черных, но описания знали крепко и согласились без слов: нет повода к сомнениям, рядом, в полусотне сажений – они, полулюди, демоново семя. И творят они злое колдовство, против которого бессильны маги и шаманы. Чертят знаки на щебне, деловито перебрасываются короткими фразами на чужом, шипящем наречии. Время от времени вслушиваются в тишину и осматривают горы. Опытные и осторожные, место знают, – отметил гном. Вон как точно и уверенно шарят взглядами по тропам, не упуская и малых, и тайных. А безопасные сплошные скалы пропускают при быстром повороте головы.

Работа Черных затянулась до полуночи. Лежать без движения оказалось с отвычки от ратных уроков мучительно трудно, но и шевелиться столь близко от настороженного врага – невозможно.

Наконец ведимы закончили свое злое дело и разошлись без единого слова, по короткому согласному движению рук. Один выбрал тропу вниз, другой двинулся вверх по склону. Гном согласно кивнул – перед тем, как наладить засаду, надо осмотреть подступы. То есть вернуться враги очень быстро. Отпущенной передышки засадникам хватило для многого необходимого. Рртых вручил человеку свой строченный малый арбалет. Тот осмотрел, восхищенно щелкнул языком и добавил к вооружению человеческий, более массивный и неуклюжий. Оба знали – ведимы очень быстры, но если бить с малого расстояния и двумя залпами, шанс есть. Грубым болтом людей напугать и отвлечь, а тройным ударом более мощных гномьих – постараться ранить.

Рртых в несколько движений зачернил особой пастой лицо, ладони и секиру, передал баночку человеку. И коротко шепнул – он пойдет к скалам за тропой, там есть малая засидка, подготовленная заранее.

– Не вступай в рисунок... – зашипел почти без звука Энтор.

Рртых презрительно скривился: что он, мальчишка? Между прочим, вполне уже взрослый гном, сорок один год без малого. Под зиму отпраздновали в дворцовых пещерах совершеннолетие. Уж не чета человечьему мальчишке. Сколько ему? Да лет двадцать, не больше. Гномы бы такого не допустили до огранки худших камней серой воды.

Наследник рода Гррхон заскользил по камням, обходя лощинку, юркнул за заслон шкур у неприметной ниши и замер. Хорошее место, он сразу присмотрел на случай боя. Если верить следам на камнях, вддыхры выйдут на посольство самое дальнее в десяти футах от этой скалы. Если повезет, он будет у врагов за спиной.

Почти неразличимый шелест щебня отметил возвращение врагов. Гном стал дышать мелко и плавно, стараясь вовсе не шуметь. Он точно представлял, где оба Черных. Сам рассматривал те щели, но счел неудобными. Он ведь не маг, для него оттуда до тропы далековато. Да и плечи у боевого пятифутowego гнома пошире человеческих – и заметно.

Секира приятно грела правую руку, малый топор был приготовлен в левой для первого движения. Гномов не зря зовут каменными. Кто с намеком на их упрямство, а иные – со знанием подлинной природы и опасливым уважением. Человек в такой вот позе простоит – при наилучшей подготовке – полчаса-час. А боевой гном – сутки. Гордый представитель рода Гррхон не без причин полагал себя способным выдержать и двое суток. Но так долго не устоят уже никакие вддыхры...

Шум движения небольшого отряда донесся снизу, от долины, перед рассветом. Он был еще далеко, когда мимо скользнули тихие и ловкие разведчики, осмотрели лощину, нашли безопасной и ушли дальше – вверх по тропе. Негромко процокали копыта четырех лошадей в полной боевой сбруе. Гном одобрительно прищурился – работа его народа, и не из худших. Наспех сказать трудно, но, возможно, род Лыхм. Знатные оружейники, но буквально помешаны на нелепых листовенных узорах. Словно они – вершинники какие-то. Прямо тошно, ведь напоказ стараются, клиенту в угоду, а не от души. Иной раз витки так кладут – заказчики приносят в переделку. Красота велика, а удобство – оно для хорошего стремени тоже важно. Вот вещи с клеймом Гррхон ни разу не приносили на доработку. Короли не работают по-черновому.

Звук копыт стих вдали.

Пора, уже скоро. Рртых наклонил голову – почти неприметно – и стал дышать полнее, нагоняя свежую кровь. Люди так не умеют, многие гномы, особенно из торговых, – тоже, а он обучен сполна. И руки будут крепче, и движения быстрее. Это главное в бою против вддыхров, которые чудовищно стремительны, словно мало того, что урождаются злобными и сильными магами все до единого.

Основное посольство подъехало кучно. Охрана берегла седого невысокого человека на легком вертком коне. Старик, к удивлению гнома, не был обременен никаким оружием. Он ехал в центре группы спокойно, почти лениво, даже вроде бы прикрыв глаза. Зато два десятка воинов смотрели по сторонам тревожно и пристально. Да и с чего им быть спокойными? Насколько понятно со слов Энтора, им отлично известна страшная судьба прежних походников. Рртых уважительно изучал отряд. Достойные воины, знают, что участь их, по сути, predetermined, но службу несут честно.

Сзади слева нечто почти неприметно шевельнулось – и щебень под копытами коней потек, рванулся вверх шипами каменных игл.

Старик широко раскрыл глаза и крикнул что-то резко и повелительно. Рртых усмехнулся. Мудрый дед всегда говорил: не суди о камне, пока он сокрыт в корке породы, сперва добудь, очисти, да в душу глянь. И то... надо ж, как в жизни бывает! Он, гном, рад встрече с магом. А вот вддыхры – не рады. Оба вырвались из своих щелей и завизжали, потянулись горелыми посохами к пошатнувшемуся кудеснику.

Из пещерки сухо щелкнул первый арбалет и сразу же второй, едва вддыхр выбрал направление для уклонения. Парнишка почти успел – все три болта прошли вплотную к боку, разо-

рвав серый просторный балахон. Но малый топор Рртыха исправил положение, как гном и планировал. Шея – она топору лакомая мишень. В косом ударе лезвие ушло глубоко и удачно, до самой ключицы вддыхра от спины прорубилось.

Большая секира уже вынуждала второго Черного чародея прыгать. Жирным это, как известно, противопоказано. Рртых рявкнул и повторил урок для вддыхра. Он не рассчитывал попасть, но очень надеялся, что в охрану послов не берут полных идиотов. И не ошибся. Стрелы легли кучно, и одна напилась-таки крови. Подраненный вддыхр метнулся прочь, вверх по тропе. Конные передового отряда уже неслись оттуда, расслышав звуки боя, но Черный ловко скользнул прямо под копыта, извернулся, минуя шипы подков.

Старый маг, о котором забыли все, кроме подхватившего его под плечи охранника, все же бросил последнее и, наверное, самое удачное, заклинание в своей жизни. Всего на долю мгновения оно притормозило стремительную темную тень. И копыта, уже почти безопасные для получеловека, оставленные им позади, смяли вддыхру спину!

Гном кивнул и уверенно шагнул на тропу. Одним коротким движением вернул себе топорик, вторым – отсек голову первого Черного от тела. Согласно преданиям, это самый верный способ упокоить зло. Гном деловито пихнул голову носком сапога и зашагал ко второму телу. Кони шарахнулись, реагируя на смерть и запах крови. Их седоки удивленно охнули.

Из пещерки выбрался Энтор и заспешил к отряду.

– Отец!

Гном тяжело выдохнул. Значит, сотником у егерей был маг. Поздновато он завел семью, мальчишке едва исполнилось двадцать, а папаша-то уже крепко седой. Впрочем, итогом этого боя все обязаны именно ему, толковый оказался колдун. И расплатился за своих егерей – тоже он, что достойно командира.

Рртых подобрал с камней брошенный юнцом арбалет. Свой, любимый, трехзарядный. За такое обращение с лучшим военным изделием его ковки парню бы всыпать, но... потом. А пока – нет времени. Гном на ходу обмахнул секиру тряпицей и убрал в чехол, пристроил на поясе арбалет. Он уже вплотную подошел к группе, скопившейся у тела сотника. Без глупых церемоний подвинул людей плечом и сел. Провел рукой над лицом умирающего, которого уже покинуло последнее дыхание, тронул пальцами веки над угасшими глазами.

– Пошли все вон, три шага назад! Эй, стремениной, тащи мой мешок. Магом ему больше не быть, воином тоже. Но, если повезет, жизнь я отпою. Плохонькую, но хоть так...

Парень кивнул и метнулся к лазу без рассуждений. Приволок вещи одним мигом и замер, размазывая по рукам жирную темную пасту. В голове у него бессмысленно металась короткая обрывки вопросов. На ответы времени и сил не осталось. Гном требовал все нового и нового – странного. Веревок, огня, светлых полотнищ, каких-то камней. Его слушались молча и быстро.

Наконец маг оказался упакован в плотный кокон и устроен в круге из камней и рисунков, а его егеря держали факелы в тех самых точках, куда ткнул короткий палец широкой руки гнома. Рртых уселся, отложил секиру, вдумчиво хлебнул из фляги и расстегнул куртку.

Помолчал, недовольно глядя на светлый уже восток. Надел очки.

Прикрыл глаза и затянул что-то заунывно-рычащее, выворачивающее наизнанку и рождающее почти неодолимое желание убраться от тропы, гнома и камней как можно дальше. Но егеря стояли и смотрели с надеждой. Гномы не любят магов. Люди – шаманов. А эта ночь выдалась странная, всё перевернулось и стало немного иным.

Петь пришлось долго.

Под веки уже лилось раскаленное золото горна вершинного Труженика, а старый маг все никак не мог выбраться из-под горы, куда вела последняя тропа людей. Рртых тащил и направлял его, затрачивая на путь куда больше сил, чем ушло бы на самую трудную ковку. Он знал, что сделали с человеком вддыхры, о таком ужасном непотребстве рассказывал дед Збыр, лучший из гномьих знахарей.

Два посоха, направленные в грудь старого, буквально вышибли дух из тела. И не просто вышибли – разорвали нити жизненной связи. Дстойно большого уважения то, что после страшного действия маг все же умудрился удержаться на каком-то последнем обрывке нити и сделать важное, спасшее весь отряд. Потому что подранный вддыхр не ушел бы далеко, затаился и вернулся к ночи. Да еще, того и гляди, с подмогой. Раз твари взялись за тропу, уже не отстанут, дело ясное. Что-то крепко меняется в мире, Черным потребовалась большая война. Вот и ссорят две расы своим злобным коварством. И, судя по настроению отца, гномов они убедили в непорядочности людей. А по совести если, отец хоть и король, но в роду Гррхон не сильнейший. Вот прадед – тот гном из гномов. С ним бы поговорить: а уверен ли Эфрых в вине вершинников?

Но – позже. Теперь вддыхр мертв, и знания о его засаде неизбежно станут доступны хотя бы одной из сторон, ввязываемых в ссору, – людям. Хорошо бы маг выбрался в живой мир и сам рассказал, ему больше веры. Да и парнишку, бестолкового стременного, Рртыху было жаль. Двадцати лет, недорослем, оставаться без отца – мыслимое ли дело? Гномам куда как проще, у них род ведется от первого камня гор, сирот нет. Да и жизнь длиннее. Вот у него, Рртыха, жив дед, да и прадед так гоняет гранильщиков в мастерских алмазного дела – синяки с шей не сходят. Не ослабла рука, да и глаз вполне зоркий, все огрехи до последнего видит. А люди живут малой семьей, Рртых это усвоил из свитков, да и на торге насмотрелся. Есть у них такое словцо мерзкое – приемыш.

Маг, возможно, думал о том же, и брел в гору усердно, без передыхов. Жилы души рвал, а к свету тянулся. И утвердился-таки в своем остывающем теле прежде крайнего срока невозвратимости.

Рртых ссутулился и залепил горящие слепые глаза ладонями. Рядом шевельнулся стремненной, укрыв плотным плащом с головой. Заботливый мальчишка.

– Костер жгите, тепло ему надобно, – выдохнул гном. – Мех, фляги с кипятком в ноги, пиво горячее, перец – все сойдет. И мне еды любой, я уже камни жрать готов, клянусь кривой киркой.

– Пошли, в пещерку отведу, – засуетился Энтор.

– Возле отца сиди, говори с ним. Ответить не ответит, а слушать ему тебя полезно, – устало посоветовал гном. – Мало тут иных бездельников, пусть ведут. С вами, людьми, свяжешься – сам обленишься. Сутки без дела, и опять спать охота. Дрянь, больно-то как, ну прям молотом по макушечке, аж искры в мозг впечатались.

– Тяжело шаманствовать? – посочувствовал незнакомый басок.

– Да еще и горн ваш вершинный, – пожаловался гном, чувствуя себя последним Кротом. – Который солнцем зовете. Все глаза мне пожег.

– А мы положим травяные примочечки, – пообещал тот же бас. – Завтрак накрыт, господин гном. Сейчас полог плотненько прикроем, и все будет славно. Мы пошлем к воротам, чтоб ваши знали...

– Нет! – резко оборвал Рртых, сжимая руку охнувшего провожатого. – Извини, погорячился. Нельзя пока к воротам. Сам схожу, мало ли что в нашем городе выдумали, оте... то есть король, шибко зол был еще два месяца назад. С тех пор, похоже, еще одно посольство сгинуло. Как бы не секирами встретили.

– То есть и ваших быют, и наших, – грустно вздохнул егерь, и гном удивился мимолетной странности его говора. Не местный?

– Вдыхры, их демонская натура, – согласился Рртых. – Топор им в...

– Мы видели, – рассмеялся человек. – Очень внушительно, господин гном.

– Рртых.

– А я воевода Брав, из северных земель. Может, слышал, княжество там имеется, Лесния? Моя родная земля. Тут большая часть людей – егеря Мартига, а передовые – мои ребята. Ну, как глаза?

Гном блаженно вздохнул.

В пещере было замечательно темно. Вход, видимо, забросали с полным усердием. А примочки с травами оказались чудо как хороши. Зеленые кольца где-то в глубине глаз постепенно таяли, меняли цвет, как остывающий металл. Рассудок освобождался от нестерпимой боли.

Воевода уже деловито предлагал мазь. Она тоже оказалась недурна. Гном проморгался и довольно отметил, что все же не стал Кротом. И зрелище перед крепнущими глазами – достойно созерцания. Цельный кабаний бок, да пиво, да еще приправы, за которые в нижнем городе дерут золотом. Детскими наперстками меряют, а тут – целая площадка-ладошка.

Рртых оживился и заулыбался. Плотнее поправил завязочку на бороде. И взялся за дело. После Песни возвращения лучшее средство от слабости – такой вот кабаний бок. Только внизу теперь с подвозом худо, там бы пришлось ограничиться жиденьким варевом из грибов. А разве такой жратвой прокормить пять с лишним футов роста? Свои мысли гном мычал вслух, не переставая жевать и хвалить копчение. Воевода, надо отдать ему должное, слушал внимательно и не пытался урвать кусок из порции выздоравливающего. Только в питье пива составил компанию. И миролюбиво выслушал неизбежные гномьи сетования. Мол, вершинники пиво варить не умеют, только продукты бестолково переводят. Брав кивнул и пояснил: у них на севере варят лучше. И если бы достойный гном испробовал, он бы оценил. Рртых кивнул, ссыпал в кружку все специи и, не слушая охов и ахов, допил последки. Сыто потянулся и попросил разбудить перед закатом.

На золото остывающего горна оказалось глядеть почти посильно.

Гном довольно кивнул и занялся делами. Осмотрел мага, нашел его душу уверенно и крепко связанной с телом, и пообещал осунувшемуся за день от переживаний Энтору, что завтра его отец проснется с самого утра. А к обеду, если все пойдет хорошо, станет пробовать разговаривать. Велел делать для старого удобное ложе, в седле ему не место. Кивнул воеводе, которого сразу отметил, как приятного и обстоятельного человека, и двинулся по тропе вверх. Шел и думал, как у людей порода разнится от родной земли. Этот вот Брав – с севера. Лицом светел, в плечах широк, такие плечи и боевому гному – не стыд показать. Глаза поменьше, чем у Энтора, и сидят глубоко под бровными дугами, по-гномьи. Для боя удобная конструкция. Опять же руки длинные, сам крепок, а движется легко, по-звериному. Глаз серый, спокойный. Небось жили бы на севере боевые гномы – были подобны. А так – нет у подгорников светлых волос, вроде некрашеного льна.

Брав шел вверх по тропе и правда – спокойно. Он прежде не бывал рядом с подгорной страной и находил горы очень интересными. И боевой гном ему по душе пришелся – неспешный, обстоятельный, да и боец – дай бог каждому воеводе таких хоть пяток на заставу. Оружия северянин с собой не взял, утверждая, что послам оно не положено. Коня тоже оставил внизу, чтоб не обеспокоить гномов.

Рртых одобрил, хотя глубоко в его душе тлела искорка недоброго предчувствия. Она разгорелась большим пожаром, когда за последним поворотом открылся скальный лоб на месте входа в гномий мир. Брав охнул. Рртых тяжело вздохнул и остановился. Собственно, этого он и опасался. Отец запер наследника, зная характер сына, неумный и слишком подвижный

для взрослого гнома. Запер, поскольку уже готовил страшное и окончательное решение. Сам, может, не признавался себе, а злая мыслишка тлела где-то в ветоши накопившихся обид. И вспыхнула пожаром в один миг. Скальные плиты обрушены, входы закрыты, запечатаны безвозвратно. Все.

Гном подошел к камням и осмотрел их, тронул крепкими пальцами свежие грани сколов.

– Здесь спустили лавину, – сухо пояснил он. – В иных местах по-разному. Но, уж поверь мне, итог один.

– Заперто, и нет никакого ключа, чтоб открыть, – кивнул человек. – Зачем?

– Чтоб не передумать, – оскалился гном. – Эх, ну дед-то куда смотрел, кривая кирка? Что он, шею королю поленился намять? Или знахари теперь не в почете...

– Не понимаю, – признался Брав.

– Король объявил подготовку к войне, – холодно отчеканил гном. – Будут ковать оружие и собирать войска. Это должен одобрить шаман, как вы его зовете. И не абы какой, а самый наиглавнейший – Збыр Гррхон, Становой знахарь гномьей страны Гхросс. А я не верю, что он мог одобрить. Плохо, Брав. Чуется мне, вдыхры добрались до наших пещер. И распоряжаются, злобой сердца поят. Они уже раз так делали, если верить легендам.

– Как же ты вернешься домой?

– А что я забыл там? – усмехнулся Рртых. – Молот малый при мне, секира тож не утрачена. Да и мозги целы, хоть от вашего горна плавиться начинают. Мне надо здесь правду искать. Внизу теперь не развернуться, ты наших порядков не знаешь. Когда бьет большой барабан, королю поперек и слова нельзя молвить. А он – бьет! Я отсюда пальцами слышу.

– И скоро война?

– По нашим меркам – да. По вашим еще есть время. Мой дед говорил – железо для крови зреет два цикла по восемь лет. Железо – это мы, боевые гномы. От кирки теперь будем отвыкать, от гранильного дела. Ладошками рукоять секиры заполировывать до стеклянного блеска.

Рртых резко отвернулся и пошел вниз.

Воевода постоял, задумчиво тронул скалу. Ничего не расслышал и не ощутил. Приложил к камню ухо, зажмурился от усердия. Пожал плечами разочарованно. Он знал, что жители подгорья чутче воспринимают малейшую дрожь камня. И слову Рртыха верил. Но сказанное звучало так страшно, что хотелось его оттолкнуть. Всего год назад в семье Брава родился мальчик. Назвали Ратичем, а только кто же думал для смертного боя растить его? Землю беречь, разбойников страшить – это понятно, это исконное дело рода. Но беспричинно лить большую кровь? Города пожженные оставлять, узнавать страх бездомья и голода...

Соседи, страна Эрхой, как-то воевали с гномами. По злему умыслу людей все вышло, сами золота подгорного возжелали – и за хотение свое расплатились. Давно это было. Но ужас схоронился в каждом слове старых летописей. Началось с малого. Люди ограбили торговый поезд гномов. Охрану перебили, золото забрали, камни ссыпали в казну, мастеровых увели в плен. По подвалам рассадили, работой завалили дармовой.

Три года жили и считали себя удачливыми.

А потом в одну ночь под стены столицы подошла стальная вороненая змея гномьего войска. К утру камни внешнего вала лежали руинами, разорванные неведомой силой, иссеченные внезапной старостью крошева и трещин. Рубились гномы страшно. Очень слаженно, очень спокойно. Были они ниже людей на голову, а то и более. Но куда шире, и даже не в плечах, всем телом. А еще они были чудовишно, действительно нечеловечески, могучи и неутомимы. Маги города, те немногие, кто остался и признал несправедный грабеж, вышли на внутреннюю стену. За первым боевым порядком гномов тоже появился особый воин, их шаман. Не один, с помощ-

никами. Впрочем, он и один бы, наверное, управился. Довольно голос Рртыха услышать – и уже воевать с гномами не хочется. К ночи маги признали свое поражение. Одни погибли, иных унесли, едва живых. Некоторые вечера и не стали дожидаться, сбежали.

И тогда из общего строя вышел вперед король подгорного мира.

Брав отвернулся от обвала и зашагал следом за Рртыхом по тропе. Нашел в сумерках широкую спину гнома. Так и описывали короля. Рыжий до красноты, как пожар кленов, синеглазый. Выше прочих на голову, могучий и стремительный обладатель двойной секиры, встречи с которой не пережил ни один воин, вставший на пути его величества.

Король без всяких там рупоров и магии рявкнул, и его услышали. Велел вернуть пленников, привезти ко входу в гномий мир украденное, выдать на суд всех до единого участников воровского похода, сменить князя и выплатить возмещение. Дал по доброте души целых десять минут на раздумья, пообещав до того город не стирать из памяти Труженика, как они, подгорники, вроде бы именуют Солнцебога.

Условия были приняты.

А утром город ошарашено смотрел на пустое истоптанное поле и гадал, вросли ли гномы в землю или истаяли с утренним туманом. Их не было – ни единого. Ушли, как пришли: вся война в один день.

Брав прибавил шаг и с трудом нагнал гнома.

– А для чего война? Я слышал про одну, с княжеством Эрхой. Пришли, выставили условия и ушли.

– Знаю. Тогда правил дед нынешнего короля, мудрый Эфрых, – кивнул гном. – То была иная война. Просто восстановление правды. Год на сбор сведений, два на подготовку. Называется – малый поход. Ради него стен скальных не рушат. Мы, мил человек, в ином положении ныне. Война черного гнева рокошет, и нет ничего страшнее. такую ни один король не решался объявлять. Мерзкое дело, позорное.

– И условия? – холодея, уточнил Брав.

– Всех до единого под топор, – сухо бросил гном. – Города в пепел, и так всюду, где погибли наши послы. А шли они в пять больших стран, как я понимаю. Малые земли сгребут до кучи. Стыдно мне, человек, невыносимо стыдно, что мои родичи такое затеяли. Камнем на душу легло решение короля Кныттфа. Жить не смогу, если тот камень не сверну.

– И нам не будет жизни, – кивнул Брав. – Только как их остановить и вразумить?

– Прошлый раз, если верить легендам, в деле были еще и оллыфы. Ну, вы их эльфами зовете, а мы переименовали на свой лад. Они долго живут, может, побольше нашего вспомнят?

Брав попробовал отговориться тем, что Стена вокруг мира эльфов непреодолима. Гном кивнул: про Стену знают все. Но был еще и некий Круг мудрых, составленный из эльфов. Они вышли из закрытой земли незадолго до воздвижения Стены и основали поселение где-то необозримо далеко, вроде бы на юге. Некоторые летописи упоминают помимо того ордена. То и другое – вне страны эльфов, здесь, в мире людей. И Рртых, как обстоятельный и разумный гном, начнет поиск с доступного. И не успокоится, пока есть хоть малая надежда.

Воевода согласно кивнул. Задумался. Потом осторожно сообщил то, что обычно гномам не рассказывали. Лучшие боевые маги людей всегда учились у эльфов, в Круге мудрых. Это и правда далеко на юге, и защита от проникновения посторонних обставлена не хуже, чем Черная стена. Но пойти и спросить можно. Тем более, старый Мартиг учился в у вечных. Провел там два десятка лет. Десять дают всем ученикам, а на второй десяток оставляют только избранных. Его знают в числе лучших и, возможно, согласятся если не впустить, то хотя бы принять вне Круга.

Гном кивнул, его густо-синие глаза разгорелись. Первая цель понятна. А, как известно, – усмехнулся Брав, – гном подобен боевому тарану в своей «гибкости и сговорчивости». То есть, если нашел не к месту выстроенную стену поперек своего пути, – прошибет. Не с наскока, нет. Все будет планомерно. Гном подготовится, соберется с силами – и прошибет. И повторит такое простое и логичное, с его точки зрения, действие, со всеми последующими преградами. Характер гномов создает немало насмешек и веселых историй. Мол, люди давно перелезли, обошли или отказались от бессмысленного пути, а гном все там же, и бараны в упрямстве тренируются, на него глядя. Три года такие веселые истории рассказывали в княжестве Эрхой. А потом узнали их очень не смешной конец.

- Гном, я отошлю своих воинов с отчетом домой и пойду с тобой.
- На барана тренироваться? – поинтересовался рыжий знаток человеческих сплетен.
- Видимо, самое время.
- Завтра мага спросим.

Брав кивнул и смолк.

За изгибом тропы уже виднелся лагерь. Точнее, походный порядок. Полусотник выстроил людей и ждал лишь воеводу, чтобы объявить начало движения. Увидел гнома, хмуро покачал головой, предчувствуя дурное. Пояснил – никто не пожелал оставаться в погубившей многие посольства долинке. Как на погосте ночевать: разве для едва живого командира такое полезно? Рртых согласился, лучше уходить.

Ему попытались предложить коня, вызвав законное недоумение и у гнома, и у лошади. Брав рассмеялся, отдал повод своего вороного безлошадному Энтору и пообещал, что не отстанет пешком от двужильного гнома. Мол, на севере тоже пешники ногами не слабы. Рртых с некоторым сомнением устроил любимую секиру за седлом, проверил мешок, еще раз глянул в лицо спящего мага и зашагал вперед. Он знал горы и обещал провести вниз удобной для конных короткой дорожкой. Торговые гости ее не жалуют – для повозок узковата.

Получасом позже долина опустела. Запятнанные кровью камни и щебень егеря вынесли и сбросили в указанные гномом щели, узоры стерли, следы боя спрятали. Обычная мирная лощинка... Когда пятью днями позже двое старых ведимов решили выяснить, куда делись пропавшие сородичи, им удалось понять ничуть не больше, чем Энтору и Рртыху – в отношении прежних засад. Отряд егерей к тому времени уже скакал холмами, вплотную приблизившись к малой крепости первой заставы людей. На равнине спешку позабыли и двинулись более спокойно, чтобы собраться с мыслями. И было от чего – один вид крепости настораживал.

Обычно там стоял скромный гарнизон королевства Рониг, чья граница соприкасается с горным кряжем гномов. Но теперь шпили пестрели от флагов. Итогов похода егерей ждали сын короля, советники двух соседних государств, визирь с юга, из Бильсы, племянник императора дальних западных земель... Рртых выдохнул сквозь зубы, изучая гербы и ленты. Война готова была разразиться, в нее уже поверили все. Если бы маг Нисий Мартиг и его егеря легли в долинке, гномам бы никто более не поверил, и надолго. И оружие ковали бы обе стороны, и крови жаждали, себя не помня и не жалея.

Вдыхры умеют нашептывать злые желания, исполняя огненные пляски и завоевывая мысли вполне нормальных, разумных, правителей. Мол, у гномов – золота без меры. И камни бесценные, и уголь, и руды – наилучшие.

Нисий лежал на носилках, удобно устроенных для него. Гном, преодолев природную нелюбовь к лошадям, устроился на спине крупного спокойного северного коня, уперся ногами в толстую жердь носилок и беседовал с магом. Старый ему понравился. Достойный человек, из которого бы получился вполне уважаемый гном при ином раскладе планов Труженика. Маг внимательно выслушал историю пропажи гномьих посольств, засады на вдыхров, тела

и головы которых теперь везли в мешках, засыпав солью для сохранности. Егеря рассудили: с таким доказательством не поверить в засаду станет невозможно. Да и трофей редкостный – два Черных! Соли, кстати, велел набрать гном, а потом еще спел что-то рычащее над трупами.

– Ты прав, – слабо кивнул Нисий. – Надо идти к мудрым. Только одно неверно в плане. Меня в Круг не пустят, таков их закон. Человек имеет право на одну встречу с вечными. И моя – в прошлом. Бери сына, воеводу Брава и скачи. В крепости вам делать нечего, время потеряете. К тому же, извини уж, кое-кто может счесть тебя отличным заложником, Рртых Третий, сын рода Гррхон.

– Знаешь, – сокрушенно вздохнул гном.

– Тебя, шалуна, все знают на пограничье, – улыбнулся маг. – Не в лицо, так по описанию. Помню, лет двадцать назад изрядный был скандал, когда ты с тремя такими же оболтусами уворовал перец.

– Взаймы взял, – затосковал гном. – Мы же представились, попросили, все честь честью.

– Да ясно, что взаймы, – согласился маг. – Мне. А того мужичка, возницу, убедить было потруднее. Четыре гнома при секирах, ночью, на узкой тропочке просят плошку перца... то еще зрелище. – Маг мечтательно улыбнулся вновь. – У него пес и то заикался! Шаманы лечат от заикания?

– Ага.

– Ага, – порадовался Нисий. – А вот маги – с трудом, учти на будущее. Ох и намаялся я, аж взмок! Зато с вами, недорослями несолидными, стало весело. И король ваш вроде не таким зверем глядел, уж по молодости был больно строг этот Кныттьф... Еще мой отец много всякого рассказывал. И охрана ворот помягче сделалась, поразговорчивее. Увы, всё пыль, всё ушло. Но я полагаю, есть добрый знак в том, что ты с нами. Многие гномы упрямы, но ты менее иных. К тому же ты справедлив.

– Спасибо.

– Тебе спасибо. Жить всем хочется, старикам вроде меня – тоже. Да и сына ты спас. Мы потомственные маги, ему уже время в Круг ехать. Это не честь, гном, это долг. Не хочу, а отсылаю.

– Я тоже знахарем быть не желал. А дед Збыр ка-ак вразумил, до сих пор во всю шею внятно. Как он там, что с ним – душа ноет... эх, кривая кирка!

– Кирка-то при чем?

– Так согнул ее дедушка, – покаянно вздохнул Рртых. – Вот аккурат здесь, об шею. И пошла наука впрок. До Станового знахаря мне не вырасти во век, но я рад, что вернул тебя. Отдыхай. И учти, магия тебе теперь недоступна, уж извини, так вышло. Неумеха я, первый раз всерьез пел. Половину жил жизненных стянул, а прочие не сошлись. Магия – она тонкая, а у меня пальчики – сам погляди, под секиру выкованы.

– Это правда. Удачи тебе, Рртых.

– И тебе здоровым жить да в покое, а за малышом я пригляжу в пути.

Рослый, серый в яблоках, конь с очаровавшей гнома кличкой Сумрак принял неумелого седока покровительственно. Жеребцу исполнилось уже пятнадцать, он смотрел на жизнь куда спокойнее, чем в юности. С добродушием, характерным для мохноногих лесных коней, скушал темный хлеб с солью и дождался, пока всадник заберется в седло, никак не менее чем с пятой попытки. Людям гномья посадка тоже понравилась. Рртых от помощи отказывался с рычанием и полз по конскому боку, как по трудной отвесной скале, при этом еще и ругался разнообразно, то и дело поминая неких загадочных Лыхмов, которые не умеют ковать стремена.

Главным достоинством серого Сумрака была иноходь, и ее прелесть гном оценил сполна, выпрямившись в седле и неодобрительно приглядываясь к резвой рыси вороного жеребца Брава. Аллюру, ничуть не пригодному для передвижения гнома.

Город со всеми его флагами и лентами остался в стороне. Рассвет опасно надвигался, требуя спешить, пока неокрепшее зрение терпит яркость Опрокинутых озер, наливающихся нежной молодой бирюзой поверх плотного слоя огненных прожилок опалового востока, где греется горн.

Энтор прекрасно знал местность и обещал устроить привал на замечательном постоялом дворе, где и свинина вкусна, а пиво варят свое, и получается оно вполне пристойно. Гном сам упрямо сполз наземь, отвел коня в стойло и вычистил. Он не любил неуважения к спутникам, а Сумрака считал стоящим приятелем с мирным характером. Да и сила серого иноходца впечатлила гнома. Вес в нем, пятифутовом, немалый, а еще секира, молот, топорик и прочее всякое, мелочь. Но конь нес и не жаловался.

Напоследок гном деловито рассмотрел подковы, поболтал с местным кузнецом и, из всех сил сохраняя неспешность шага, нырнул в полутемный зал, ставни которого уже закрыли по просьбе Энтора. Пиво оказалось достойным внимания, свинина – бесподобной, количество острых приправ привело гнома в восторг. А свежий, прежде невиданный, мелкий и отменно злой красный перец буквально примирил с существованием неба. Гном так и сказал – мол, согласен именовать на вершинный лад: достойно, раз под ним растет эдакая вкуснотища.

Коварный сын мага воспользовался случаем и рассказал о предстоящем пути, перемежая нудные перечисления городов, обычаев и племен сведениями о производимых там пряностях.

Путь предстоял долгий. Сперва следовало идти вдоль южного отрога гномьего кряжа, затем по берегу порожистой реки Ниги, рожденной ледниками гор, холодной и беспокойной. Двигаться надо до впадения ее в полноводную Стовь. Там Энтор предлагал подумать о местах на больших баржах или сплавных плотках. Путь ведет к океану, ведь Круг расположен на полуострове, связанном с берегом тонкой длинной ниткой дороги. А сам этот клочок земли лежит близ устья Стови, западнее основных торговых поселений, в безлюдном местечке. Брав кивнул. Простые люди магии не любят, тут они с гномами единоклюбы. И потому селятся от мудрых поодаль, чтобы на их чудеса взирать из безопасного, как кажется деревенскому жителю, удаления. А лучше того – и вовсе не знать и не видеть странного.

– Согласен, – кивнул гном. – Спать надо, а не глупости городить. Карту я запомнил. Три тысячи верст, не менее. Если все кривули дальней дороги перечесать, ох и работа башмакам!

– Копытам и подковам, – поправил Энтор.

– Ага, – задумался гном. – И то верно. Подковам. Уходим на закате?

Ему кивнули, хотя рыжий уже не смотрел и не слушал, нацелившись на сон.

Зато вечером слышали самого гнома. Стук молота разбудил сперва Энтора, а затем и Браву. Звучный, почти непрерывный и спорый. Оба пытались бороться с напастью, но шум, дополняемый визгами, бранью и грохотом, их быстро одолел, поднял с кроватей и погнал во двор.

Зрелище, надо отметить, того стоило. Большая часть жительниц поселка ругалась за место в очереди, пытаясь последний раз пустить в дело и без того сломанные и негодные предметы утвари.

По одной женщины ныряли под плотный полог, натянутый в дверях кузни ради создания необходимого гному полумрака. Очередь на миг стихала, и голос новой просительницы чистым медом разливался в предвечерье. Потом звон и стук возобновлялись. Парой минут позже женщина, совершенно счастливая, покидала кузню. Энтор нашел несколько очаровательных селянок в хвосте очереди и решил, что раздувать меха можно и нужно. За плату, само

собой. Девушки захихикали и пообещали егерю свое полное внимание, если он ускорит работу кузнеца.

Брав покачал головой и ушел ужинать. Он здраво рассудил, что все и любые подробности безобразия увидит из окна и вызовет у хозяйки постоялого двора. Так и получилось. Стосковавшийся по работе гном проснулся еще до обеда, надел очки, замотал голову плащом и потребовал дать ему хоть какую работу. За полчаса Рртых починил все, что нашлось в хозяйстве из безнадежного железного старья. Это заметила глазастая соседка, хитро выпытала у младшей дочери содержателя постоялого двора про слабость гостя к приправам – и приволокла вдвоем с сыном плуг, три лопаты, дырявый котел, сковороду...

Острым к соседскому счастью зрением страдала не одна она, да и скрыть восстановление, например, большого медного котла – дело непосильное. Слух о том, что единственный на весь Рониг гном, отказавшийся участвовать в войне, способен починить буквально всё – мгновенно облетел село и взволновал души. Известна умопомрачительная цена упомянутого большого котла, победно пронесенного по главной улице управляющим из дворянского дома, самого богатого на всю округу. И запрошенное за его ремонт в городе – тоже знакомо, на то и существуют сплетни. Но правдивый рассказ управляющего о том, что гном залатал котел всего-то за щепоть редкого восточного бордового перца... Да он похуже сплетни! Село всколыхнулось и по-новому взглянуло на безнадежный железный лом. Рртых стал обладателем редкостной коллекции приправ. И продолжал богатеть с каждой минутой.

Когда горн небесного Труженика стал бледнеть и все отчетливее скользить к краю неба, очередь иссякла. Энтор вынырнул из кузни, голый по пояс и гордый собой. Его уже ждали девушки, вода и вышитые полотенца. Гном появился позже, тоже весьма довольный, с пухлой холщевой сумой, до самого верха забитой мешочками и коробочками с приправами, драгоценными в подгорной стране. Брав с нескрываемым интересом изучил фигуру Рртыха. Ничего подобного ему видеть не доводилось. Широкий монолитный мужчина, сотканный из сухих – кто бы мог подумать – жил. Длинных, выглядящих непривычно, и очень внушительных. Гном мылся долго и с удовольствием. А воевода забавлялся, наблюдая задумчивые вздохи дородной хозяйки постоялого двора. Женщину огорчало то, что посетители не задержатся еще немного, хоть на одну ночьку. Столь же безмерно это обстоятельство радовало хозяина, тихо звереющего за стойкой.

Рртых закончил плескаться, обмотал голову полотенцем и зашагал к дому. Он умел помнить однажды пройденный путь и двигался уверенно, не глядя под ноги. В темном уюте зала синие глаза обрели долгожданный отдых от дневного света. Гном встряхнулся и подсел к столу воеводы. Брякнул связкой подков. Поманил ручищей хозяина.

– Нож, для дела, – важно сообщил гном. – У нас такими разделявают мясо, я ваши глянул – дрянь. Мясо отменное, а ножи – дрянь. Вот, смотри. Хорош ли? Ага, понял, сам покажу.

Последний недовольный человек в поселке подошел, с сомнением тронул широкий тесак. Гном вскочил, схватил разделочную доску, зелень, копченый окорок и взялся пояснять, чем хорош его нож и как им правильно пользоваться... Так что скоро хозяин пребывал в том же блаженном состоянии, что и все прочие. Брав даже заподозрил с легкой неприязнью, что за дополнительную пару ножей румяный детина простит еще одну ночевку с любыми ее последствиями.

Вот только гном тонкостей людской души не рассмотрел. Быстро умял остатки ужина, оделся в поход, заплел усы, перевязал тесемкой подсохшую бороду и натянул куртку, обхлопав все ее бессчетные карманы. К этому времени вернулся Энтор и сразу вывел лошадей. Благодаря его усердию путники покинули гостеприимный двор еще засветло.

– Знаешь, кудрявый, – задумчиво сообщил гном, – а ты, пожалуй, женишься пораньше папаши. Хорошо меха раздуваешь, как на девок поглядишь. Самое время тебя к мудрым, под пудовый замок! Брав, присматривать за ним надо. А то целый поезд к Кругу приведем. И станут мудрые решать, кому наш парень более всего задолжал.

– Просто двигаться надо быстрее, чтоб уставал и падал спать замертво, – предложил воевода.

– Тоже дело, – согласился гном. – Вот не думал я, что конь может быть хорош, а привязался. Поедем быстро, согласен. Еще деньков пят, и я смогу на горн ваш полуденный в очках смотреть. А пока заматаюсь плащом.

– Жестокие вы, – фальшиво возмутился стремениной, чуть задумался. – Ну, ничего. Девушки магов уважают еще больше, чем егерей.

Как ни спешили путники, но шпили башен Круга увидели лишь к исходу южной поздней осени, истратив на путь четыре с лишним месяца. Пришлось переправиться через три крупных и десятки мелких рек, преодолеть четыре границы, где неизменно впадали в ступор при виде верхового гнома. И не просто гнома! Рост и стать Рртыха Третьего никак не соответствовали представлению вершинников о гномьей породе. Обретая дар речи, стражи границ донимали путников вопросами, досматривали с пристрастием – чтобы заново изумляться коллекции приправ, странности и мощи оружия, пестроте группы.

Брав вздыхал, прикрыв глаза и начинал пояснять и разбираться. Именно благодаря его спокойной манере общения, знанию всех и всяческих местных обычаев, дело очередной раз обходилось без особых осложнений. Но потерянного времени вернуть никто не мог, и его старались наверстать, – чтобы упереться в новый заслон.

Тревога висела в воздухе и ощущалась всеми. Она копилась давно, это было очень заметно. Сплетни и слухи ползли – один другого нелепее. Старые и новые истории переплетались, путались и наслаивались, обрастали бесконечными домыслами. Гном хмурился, вслушиваясь в них, самые разные, в каждой местности свои и, увы, одинаково невеселые. До какой-то степени могло успокаивать лишь то, что о гномах плохого не говорили – не накопилось еще. Разве что досадовали на срыв старых договоров, отмену новых заказов и торговые убытки. И на то, что ювелирное дело без гномьих камней – немыслимо, столичные модницы Рони́га и Рэ́нии в голос стонут и требуют простить подгорникам все, лишь бы стали доступны рубины, столь желанные в этом сезоне.

Тревогу рождали иные слухи.

Где-то видели ведьменей, и там сгорела деревня, дотла. Говорят, дети пропали, да взрослым повезло не больше – все как есть вымерли, помянуть многих некому.

Странно болеет городской голова – зол и своих не узнает, а сменить его почему-то не торопятся. Уже и письма в столицу писали, и граф из соседнего уезда приезжал, был принят плохо и в гневе сказал, что сживет невежду со свету... а тот никак не сживается. Зато сам поедом людей ест, извел придирками, а еще и ворует страшно.

На скот пал мор, звали мага, но в результате он нелепо погиб, теперь ищут второго, испытать удачу. Ночами в селе собаки воют, а к чему – неведомо...

Все глупости, странности и страхи складывались в одну общую картину растущего непорядка. Заметного каждому, требующего внимания – и оставляющего, как кажется простому обывателю, равнодушными всех до единого правителей и их советников, министров, визирей – как ни назови. Любых людей, наделенных полнотой власти. Есть беды – и нет спешащих на дознание отрядов охраны, нет дотошных магов, нет и единого слова от мудрых, закрывшихся в своем малом мирке у берега. Зато копится, растет, шевелится невнятное озлобление, выплескиваясь в самых неожиданных формах. Бьют жен, пьют без меры, дерутся зло и до большой крови, соседей жгут. И ведьменей особенно нет, по крайней мере, мертвых, чтоб прилюдно

показать – вот, поймали, казнили. Мертвых нет, живых видели мельком и то – не точно, а черное их дело процветает...

Круг путники увидели на восходе.

Малый остров располагался в двух верстах от берега и связан был с основной сушей узкой – одному конному только-только проехать – каменной гривкой. Белый мрамор ее плит сиял древним узором. Тонкая арка обозначала вход, вместо ворот вился в ней лилейным узором туман. Тот же туман закрывал остров от глаз, давая заметить лишь высокие шпили трех башен – серебряные, ажурные.

Энтор спрыгнул с коня и подошел к туманным воротам. Тронул рукой вязь, проступившую под пальцами стальной сизой ковкой. Уверенно назвал себя, род и отца, учившегося в Круге двадцать лет назад. Металл истаял, в тумане качнулось некое сомнение. Все прибывшие отчетливо ощутили взгляд, изучающий их. Пристальный, удивленный, прямой. Потом туман колыхнулся и распался, выпустив высокого человека в светлом одеянии. Явного южанина – это читалось в чертах смуглого лица и волнистой густоте черных волос, в гибкой грации незнакомого поклона-приветствия.

– Вас примут, – сообщил пришедший. – Но учтите, уйти с острова не всегда возможно так быстро, как вы полагаете, входя. Маг проведет здесь десять лет. Гном останется на пять, его согласны учить. Воин сам решит, когда уходить. Я вот до сих пор не счел свое время истекшим.

– Благодарим, – поклонился Рртых и чуть суетливо уточнил, удивляя спутников: – а коня моего вы не обидите?

– Странные теперь гномы, прежде их к лошади и близко подвести не удавалось, – удивился южанин. – Коня можно держать в стойлах внешней школы. А обижать его, достойный гном, при вас и я бы не решился. Хотя это может повод получить интересный опыт боя.

– Я тебе дам веский повод, – буркнул Рртых, глядя бархатные губы своего Сумрака. – И опытом обеспечу, клянусь кривой киркой. Пошли, малыш, никто тебя не тронет. Выбьем мы из них овес, выдавим и ячмень. Сам пригляжу.

Когда серый в яблоках получил всё, что обещал ему хлопотливый гном, Рртых поднялся в большой зал центральной башни, где его уже ждали друзья.

Их устроили в удобных креслах, на столиках у подлокотников оставили кубки с водой. Гном с интересом рассмотрел три кресла напротив, пока пустые. Что-либо спросить он не успел. Двери внутренних покоев распахнулись и впустили в зал тех, для кого предназначались свободные места.

Эльф, – это Рртых понял сразу по танцующей легкости шага, по гибкости слишком тонких фигур, по непривычному разрезу крупных глубоких глаз. А вот знаменитые длинноватые уши в глаза не бросались, вопреки не особенно вежливому вниманию всех трех гостей.

Двое вошедших были мужчинами, чей возраст в человеческом восприятии казался близким к тридцати пяти – сорока. Рослый светловолосый выглядел чуть старше, более плотный и низкий обладатель черных, как ночь, прямых волос и болотно-серых глаз казался молодым.

Женщине Брав не дал бы более тридцати, и ее внешность, вопреки ожиданиям, не блистала «неземной красотой» из легенд. Скорее её можно было описать, как живое и подвижное обаяние. Хотя назвать некрасивой светловолосую голубоглазую эльфийку не посмел бы и черныш недоброжелатель. Но красота была чужая, непривычная, и в нее хотелось всматриваться, привыкая и находя особенности. Взгляд голубых глаз смущал еще больше – слишком они глубоко проникали в душу. Гном даже головой тряхнул – вроде говорить и не начинали, а уже есть ощущение общения.

Именно женщина начала разговор.

– Мы увидели вас и мы опечалены. Есть древнее пророчество: когда сюда ступит нога гнома из рода Гррхон, мир погрузится в новую войну, исход которой не определен. Но и не пускать бессмысленно, так судьбу не обманешь. Потому приветствую вас, гости. Мы окажем любую помощь, на которую способны. Я Эриль, старшая из мудрых. И, пожалуйста, не думайте, что мы себя возвеличиваем титулом в глупой гордыне. Так звался совет короля эльфов, в который мы входили очень давно – совет мудрых. Мы покинули край Лирро, когда Стена, прозванная позднее Черной, отгородила его от прочих земель. Мы были против отделения вечных от мира, но в Лирро уж тогда не желали слушать советов, лишь восхваления. Справа сидит советник и мастер боя, Кэльвиль. Слева наш маг, Лоэльви.

Гном с некоторым подозрением изучил легкую фигуру светловолосого мастера боя. Как он с секирой управляется? Кивнул, глянул на спутников и, по их молчаливому согласию, взял на себя бремя представления и основного рассказа. Затем Брав дополнил известное ему о делах севера, а Энтор передал то, что велел рассказать отец.

Эльфы некоторое время молчали. И снова заговорила женщина.

– Я могу твердо назвать причину изоляции гномов, хотя меня она ужасает, – дрогнувшим голосом молвила Эриль. – Это ведимы, я подозреваю их же руку и в изоляции нашего народа, случившейся много раньше. Тогда король словно обезумел... А мы не совладали, он никого не слушал. Теперь вы повторяете наш горький путь, Черные явно контролируют вашего короля. Как – не скажу, это почти невероятно, ведь народ гномов стоек и упорен. А уж семья Гррхон вне всяких упреков, достойный Рртых. Но я давно ощущаю силу ведимов, растущую в горах.

– Увы, гном, – добавил светловолосый Кэльвиль. – Мы не в силах пойти и всё выяснить, как желаешь ты, и это желание очень заметно... Я далеко не лучший из воинов Лирро, я давно живу в покое, да и прежде больших войн не знал. Нас только трое, и мы делаем то, что возможно. Учим, храним историю. Эльфы полностью замкнулись, это наше горе. Одолеть ведимов без наших воинов трудно, но устранить Стену способен лишь король. А ведь именно он замкнул заклятие.

– Н-да, опять молотом по макушке, – вздохнул гном. – Что я буду делать тут пять лет?

– Учиться у меня, – молвил третий эльф. – Древний ларец замкнул демонов при помощи шамана вашего народа. Сила его песни была велика. Насколько я знаю, гномы не утратили секретов древней магии своего народа. Вы бережно храните знания, это достойно большого уважения. Мне ведомо, как соединить в тебе, пусть и в малой степени, магию эльфов и знахарство. Ведь короля страны Гхросс хотелось бы вернуть в сознание, а не убить.

– Да уж, не могу не согласиться, все же речь о моем отце, – куда более охотно кивнул гном. – Но где нам искать силу? Настоящую, для боя, для магии... чтоб ведимов, как вы зовете гнилых вддыхров, укоротить на все их головы?

– Не знаю, – горько выдохнула Эриль. – Мы оставили ларец ордену людей. Башня ордена в диких лесах на границе нынешней Леснии и гор, близ Лирро. Если точнее, это стык границ Эрхоя, Леснии и дикого леса у эльфийской Стены. Крепок ли орден – мне неизвестно, от магов севера никто не приходит уже сотню лет. Возможно, тайную тропу нащупали и перерезали ведимы. Прежде орден проводывал тот, кому очень трудно заступить дорогу, он единственный из эльфов помнит древнюю войну и умеет одолевать ведимов, и не только их. Но увы, его нет с нами уже пять сотен лет. Это пугает.

– Учите. Станет надо найти эльфа престарелого, я поищу как следует, а до страхов мне нет дела, – энергично потребовал гном. – И учтите, мне надо много внимания, я до дела жадный.

– Всё мое время – ваше, достойный гном, – поклонился с улыбкой Лоэльви. Школой людей станет заниматься Эриль.

– Отлично, – согласился гном, высверливая взглядом дырочку во лбу своего нового учителя. – Вот и начинайте. Мои пять лет уже пошли, а время дорого. Может, папаша там выдрал деду бороду, а я и не знаю.

О худшем гном предпочитал не думать. Потому что боялся не застать дома ни деда, ни прадеда. Рртых знал, насколько оба против всяческих скороспелых решений, а уж войн – особенно. И совершенно не понимал, как могли загреть барабаны при живом дедушке. А если ведимы уничтожили деда Збыра, лучшего гнома на всем свете, если свалили и это на людей – вот тогда многое понятно. Такое могло довести отца до крайнего, неконтролируемого гнева! Не только отца – весь подгорный народ. Особенно при условии, что побег наследника сочтен похищением... А может, и Рртыха дома числят погибшим?

Рыжий нервно фыркнул, отстегнул бесполезную секиру и решил учиться с полным усердием.

Враг всех эльфов

Король эльфов шествовал через огромную главную залу старого дворца.

Древняя архитектура завораживала даже его пресыщенный взгляд забытой гармонии света, цвета и формы. А еще – звука. Покинутый дворец поет, даже эхо в нем – произведение искусства. Главный зал шумит многозвучными летними ветерками в листве, шелестит травами и звенит скрипками кузнечиков.

Зал лугового полудня огромен. Некогда здесь шумели балы. Зеленый мрамор и теперь не обнаруживает ни единой трещинки-морщины, намекающей на его возраст. Мрамор выглядит живой травой в утренней росе. От самого пола лозы свиваются в колонны, взбираются по стенам прихотливым узором, меняющимся от малейшего движения так, словно ими играет ветерок. Прозрачные облака потолочного купола каждый день выглядит по-новому, возбуждая воображение. Водопады шепчутся с мраморными девушками и рассказывают им что-то приятное и приватное, судя по лицам красавиц. Шепот воды тоже – день ото дня иной, самые древние эльфы его понимают и слышат музыку в звучании струй.

Теперь так не умеют строить. Прежние мастера ушли, их талант не привился новым. Те глупые эльфы еще умирали. Сами! Иногда – в нелепых войнах чести. А чаще – по куда более абсурдным причинам. Например, строитель дворца Закатной чаши полюбил женщину людей и вроде бы не перенес ее смерти. Смешно и глупо!

Король усмехнулся и подумал: отец, безусловно, принял самое верное в своей жизни решение, когда обнес мир эльфов Стеной, дабы исключить для подданных сами причины к мыслям о постороннем. Вечные так редко создают семьи, что воевать за расширение страны им не приходится. Стена защищает от любопытства соседей, живущих унижительно мало. От людей и гномов, грязных и диких. Эти «друзья» всегда стремились украсть знания, позариться на золото или камни... что еще у них в цене? Впрочем, не важно. Теперь волей короля страна навсегда огорожена. Заклятие запечатано королевской кровью, никому не преодолеть его.

Лэйлирр бросил короткий взгляд в одно из зеркал.

Он, именуемый Гласом истины и Указующим перстом судьбы, редко бывал в замке отца. Лэйлирр рассмеялся. Что за странное воспоминание! У короля нет предков, он – начало рода и его основание. Когда-то началом и основанием был Лиррэль-а-Тэи, теперь это имя не просто забыто, оно под полным запретом. Ибо нет никого выше и знатнее Первого гласа. Лиррэль правил страной со дня, как эльфы ступили в эти земли: он был всегда и создал страну и ее законы. Коварный, умный, непостоянный и очень опытный, – таким его помнил сын. Когда позволял себе помнить, само собой. Когда это казалось полезно или занятно. Наедине, в тайном месте размышлений. Там он позволял себе и большее. С ярким и непроходящим восторгом смаковать день, когда стал взрослым. Ибо дети бессмертных королей – вечные принцы, недоросли без счета веков. Он прервал несправедный обычай. Отцу это стоило не только короны, но и головы, иначе трон не добыть.

Зато теперь Лэйлирр-а-Тэи шествует по древнему дворцу как господин. Единственный и полновластный. Его слово решает судьбу любого подданного. Свита следует за королем в немом подострастии. Каждое движение выверено, каждый жест исполнен почтения и отработан бесчисленными веками.

Он возвел почтение в ранг добродетели. И доказал, что в замкнутом мире за Стеной надо быть добродетельным, надо искренне и глубоко любить короля, чтобы вечность не стала проклятием. Не осознавшие мудрости и силы новых законов расстались с жизнью. Но смерть – не самое страшное. Он доказал и это, не позволив казни врага своего – Орильра. И сегодня Лэйлирр прибыл в древний дворец, чтобы свита очередной раз вспомнила: вечность для некоторых – настоящее проклятие. Непосильное.

Пять сотен лет назад он стал зваться Первым гласом. Вскорости мерзавец Орильр вернулся из очередного запрещенного путешествия за пределы Стены. Очень спокойно кивнул, выслушав новость, и с легкой, едва уловимой, насмешкой посоветовал исполнить весь ритуал восшествия на трон. Разговор был в библиотеке нового дворца. Еще не законченной, но и там наглец вмиг нашел свиток с законом, который никто не помнил. Встряхнул, сдул пыль на камзолы советников и зачитал вслух на безупречном древнейшем.

Подлец получал немалое удовольствие, намекая, что сохранил свою память нетронутой во все века страны Лирро. Еще бы, он такой – один... Каждый брак эльфа стирает часть прошлого, меняя сознание. Каждая смена рода занятий – тоже. А еще есть усталость, за которой приходит магический сон, подобный во многом человеческой смерти. Тело во сне омолаживается, освобождается от шрамов и болезней, а душа возвращается к состоянию младенческой простоты. Вечность давит и поработачает своей безмерностью, она непосильна... Так что в Лирро в сон уходят почти все. Прежний король проделывал это раз двенадцать. Очнувшись, он объявлял новых королев, забыв прошлое начисто.

Лишь мерзкий Орильр пережил всех и не устал, не забыл, не поклонился.

Древний свиток, как ни смешно признать, дал ему право отказаться признать королем Лэйлирра-а-Тэи, надевшего чужой венец власти. Забытый закон, основанный на древнейшей магии самой природы эльфов, гласил: «Королем признается тот, кто создал страну. Если злая судьба унесет в небытие создателя, следует начать всё с начала. Выбрать место, привести народ, соединить помыслы вечных и дожидаться их приглашения править».

Лэйлирр ждать не стал. Уводить народ в новую страну – тем более. Куда проще перенести столицу в пределах той же страны да выбрать новых советников. Покладистых, готовых соединять помыслы верным образом. А проклятый свиток, кстати, именно советники сделали недоступным для подданных.

Конечно, стоило бы и Орильра отправить вслед за прежним королем. Но подлинное удовольствие – не одно мгновение торжества, изредка и блекло оживающее в воспоминаниях. Истинное наслаждение – длится.

Потому уже почти пять веков король наведывается в заброшенный дворец. Спрашивает отступника, готов ли тот склонить голову, тайно мечтая об очередном отказе. Впрочем, подонок умудряется подпортить и это удовольствие. Лэйлирр нахмурился на мгновение, вспоминая, какую казнь изобрел для непокорного пленника пять десятков зим назад, во время предыдущего посещения. Кажется, что-то очень простое. Ах, да – голод и тесноту. Король усмехнулся, глянул на младшего советника, предложившего нужный свиток. Услужливый мальчик, далеко пойдет. И теперь его пояс наверняка отягощен двумя-тремя древними пергаменами. Когда Лирро была молодой землей, здесь жили бурно и казнили изобретательно. Да и людские и гномьи обычаи записывали все, даже самые, как тогда говорили, дикие и бессмысленные.

Советник понял взгляд по-своему и изогнулся в глубоком поклоне.

– Высочайший останется доволен, смею надеяться. Этого червя вчера извлекли из заточения, чуть отмыли и доставили в зал Синего заката. Я позволил себе недозволительную дерзость и распорядился, чтобы его поместили в камин.

– Оригинально, – рассмеялся король. – прямо в камин?

– Извольте сами взглянуть, – скромно кивнул советник.

Лэйлирр миновал высокую дверь, созданную из полупрозрачной золотой вязи лилий. Узорковки жил и дышал, а цветы, как и пять веков назад, смыкали лепестки вечерами и выпускались снова к утру. Никто не ухаживал за дворцом, но на золоте не лежала ни единая пылинки! Король нахмурился. В новом дворце пыль – это буквально проклятие, она всюду.

Коридор северной галереи, всегда прохладный, наполненный дыханием зимы, льдисто блеснул и лег под ноги черным мрамором в искрах снежинок. Король ускорил шаг, впереди уже приветливо распахнулись двери каминного зала. Синего до черноты, как небо над отстоявшимся брусничным морсом позднего заката.

Камин полыхал живым огнем, отгоняющим холод. Огромный – король уже забыл, как он велик! Дрова выложены полукругом, вдоль решетки, а каменная площадка в центре пуста. И достаточно велика, чтобы прикованный там коленопреклоненный пленник мог жить. Дышать обжигающим легким воздухом, слышать запах собственных паленых волос... и все же – жить. Как приятно, что упряму до сих пор не захотелось поклониться! Борьба оттеняет скуку жизни, вечную, неизбежную – истинно королевскую скуку.

Король уселся в кресле у огня и рассмеялся, подбросив пару поленьев, и взялся рассматривать того, кому сегодня он выберет новую казнь.

Пять веков упрямства превратили рослого и сильного Орильра в нечто, с трудом опознаваемое, как эльф. Шрамы на лице – старые, они залегли в первые годы, когда казалось, что сломить его будет просто. Остатки спаленных в каминном жару грязных волос поседели тоже давно, два века назад. Тогда бывшая жена ничтожества стала новой страстью короля. Здесь, в этом замке, в зале Весеннего рассвета. Красивая, молодая по меркам вечных и неспособная долго грустить. Король улыбнулся. Не просто красивая. Она и до сих пор не знает отказа у тех, кого присмотрела для своих забав. А тогда... Да, скучно не было. Ни ему, ни Нильэсе. Ей понравилось управлять страной с вышитой золотом королевской подушки. И бывшему мужу она доказывала это охотно и весело. Помнится, она громко пожаловалась новому возлюбленному – прежний слишком стар и донимал ее своими малопонятными воспоминаниями. Умный эльф – это невыносимо скучно, не умеющий петь – и того омерзительнее. Тогда Орильр сидел в кресле всю ночь, его отмыли и одели, в полумраке он выглядел вполне здоровым, ведь лучшие мастера старались ненадолго вернуть пленнику прежний облик. А выпившая больше обычного женщина смеялась, рассказывала то, что не принято говорить посторонним.

Лэйлирру тогда показалось ненадолго, что проклятый эльф все же уйдет в сон забвения и проблема старого свитка решится – никто не будет помнить того, что в нем написано. А тем более того, что осталось не написанным и отягощает память лишь одного существа, присутствовавшего при составлении записи.

Было время... мерзавец тогда висел в самом буквальном смысле между жизнью и смертью в пыточной камере, и он умудрился очередной раз посмеяться над королем.

«Неправедный король погубит страну, так предрешено, – сказал Орильр, пытаясь улыбнуться разбитыми губами. – Неужели не видишь, что Лирро умирает, уходят знания, и твои подданные все чаще добровольно выбирают сон забвения. Можешь убить меня, но миропорядка тебе не изменить. У новой страны будет иной король». Тогда Лэйлирр поклялся не предавать насмешника смерти. Даже самой трудной. А упрямец ответно пообещал не облегчать королю задачи, признавая его власть. Потому что если все эльфы Лирро склонятся перед самозванцем, он станет почти королем, и проклятие существования под его властью уничтожит род вечных.

Король усмехнулся. Тоже, нашелся спаситель народа! Никому его жертвы не нужны, его упрямство нелепо и напрасно. Эльфы действительно все чаще уходят в сон. Что с того? Только то, что самого Орильра никто не помнит, кроме свиты короля и дворцовой службы пыток. А сейчас, проведя немалое время в жаркой топке камина, и сам он себя не осознает.

Орильр действительно был в беспамятстве.

Король недовольно обернулся к младшему распорядителю пыточной службы. Тот расторопно кивнул и взялся за дело. Над камином раскрылся ледяной цветок каменного пола, и прохлада спустилась в зал влажным туманом. Король с презрением смотрел на тело упряма.

Его не назвать даже тощим – просто скелет, обтянутый серой старой кожей, утратившей в сыром мраке подземелья цвет и гладкость.

Через редкие прутья верхней части каминной решетки к пленнику протянулся черпак на длинной ручке, вода выплеснулась на седую голову. Потом снова – на спину, сухие плечи, затылок. До тех пор, пока тлеющее тряпье не зашевелилось. Мужчина попытался еще плотнее сжаться в комок, отодвинуться как можно дальше от пламени, окружающего со всех сторон. Вот он тяжело облокотился на бессильные руки, и, сжигая кожу ладоней, попробовал поднять голову. Не вышло, и он повернул лицо в сторону, откуда доносился знакомый смех.

Наконец, пленник действительно очнулся. Жадно напился из черпака и стал шуриться, с трудом разлепляя гнойные веки, вынуждая отвыкшие от света глаза смотреть. Когда-то – король смутно помнил, – глаза были зелеными. Теперь неопределенно мутными и темными, словно листовенная зелень перегнила и состарилась в каменном мешке темницы. Весь этот Орильр – сплошная гниль. Так и должен выглядеть поверженный враг.

– Рад новой встрече, – улыбнулся король. – Ну, не передумал?

Пленник не стал тратить силы на ответ.

Не передумал, и так понятно.

Лэйлирр обернулся к советнику, заранее радуясь развлечению. Мальчик вышел из сна всего-то лет сто назад, и новая жизнь ему нравится. Он быстро поднялся до высокого места при дворе вечного короля и ценил расположение хозяина – искренне, глубоко и жадно. Память не обременила его глупостями вроде гордости или родовой чести. Ему понятны лишь законы выживания при дворе. И он освоил их превосходно. Подбежал, упал на колени, радуясь возможности услужить и оказаться самым полезным, расторопным и умным. Достойным награды.

– Извольте изучить, – руки чуть дрогнули, передавая тонкие листы пергамента. – Пытка водой.

– Было, – недовольно нахмурился король. – Нормальные существа от этого сходят с ума, а у некоторых его от рождения, по-видимому, нет. Дальше.

– Рассветная зелень...

– Было, – сердито перебил король, не слушая подробности.

Всё же малолетки, пусть и услужливые, – ничтожны. Мог бы изучить записи о наказаниях за все пять веков, но поленился. Высочка. Пленник закашлялся, и король нервно сжал подлокотники. Когда этот мерзкий тип разучится смеяться? Ведь ни малейших поводов! Хотя бы раз попросил о смерти, ведь не может он легко переносить свое состояние. Находиться там, на раскаленном камне, невыносимо. Одно лечение ожогов, при всей выносливости эльфа, растянется лет на пять. И то – при нормальном питании и уходе, в присутствии магов старой школы. Даже король вынужден терпеть нескольких, кому же приятно болеть? Эти маги – непокорные твари, смутьяны. Хорошо уже то, что они выселены из столицы и приручены. Некоторых можно приручить. У таких есть, что терять, – вот хотя бы дети.

– Осмелюсь предложить еще один вариант, – дрогнувшим голосом шепнул мальчишка. – «Черная оса...»

– Не было, – довольно кивнул король. – Рвение, малыш, вполне удачно заменяет тебе опыт. Когда-то этот ничтожный был сильным воином, и я бы не решился оставить даже иглу возле его руки. Но теперь, когда он безобиднее мухи, можно попробовать. Эй, грязь костлявая, как суставы? Мне лекарь долго пытался объяснить, что такое ревматизм. Нашел в старой книге,

еще из времен общения с людьми, это их болезнь. Говорит, у тебя необычное для эльфа почти полное разрушение суставов. Больно?

– Очень, – порадовал короля пленник. Задохнулся, сказав всего одно слово. Помолчал и добавил совсем тихо: – но в тепле мне становится легче.

– Значит, мы погасим камин, – ласково уточнил король. – Поручаю тебя своим лучшим специалистам, как обычно. Увы, мне пора: дела и заботы, я так опечален, что не могу уделить беседе больше времени. Скажу одно: «Оса» требует выносливости. Тебя чуть откормят, прежде чем познакомят с жалом. Снова дадут природной живучести стянуть раны и повторят, – ну, не мне рассказывать, ты у нас памятный, сам знаешь все, полагаю? Займет лет десять. Потом свидимся. Постарайся не передумать, я очень огорчусь.

– Сдаешь, – усмехнулся пленник. – Нервы шалют, сны донимают.

– Замолчи! – прошипел король, дернувшись к решетке.

– Совесть просыпается, когда засыпает разум, – закашлялся седой. – Это наше горе.

Король резко встал и развернулся к пленнику спиной, передернул плечами и неприятно сузил глаза, рассматривая свою свиту. Эльфы склонились, как подрубленные. Те, кто расслышал лишнее в прошлый визит, пожалели о своем любопытстве. Нынешние предусмотрительнее, – король рассмеялся, – у всех в уши загнаны золотые заглушки. Можно не сомневаться, если и слышали, сами языки проглатывают. Это старое присловье – «долгой тебе смерти». И очень точное. Пугающе точное, особенно при новом дворе. Вот только трепещут и заранее боятся кары все, кроме одного-единственного существа, страх которого жизненно необходим короне...

Орильр прикрыл глаза и расслабился.

Шаги свиты донимали гудящую голову, отдаваясь в камне, выстилающем камин. Или теперь мода на звучные подковки, как веков пятнадцать назад, или усталое сознание зло шутит, изводя по пустякам. Может, от пытки водой он и не сошел с ума. Благо, сознание бережно хранит то, что теперь напрочь забыто прочими. В последнюю большую войну, еще до возникновения страны Лирро, дальние предки ведимов питали свою силу жизнью и болью эльфов. И были они ничуть не менее изобретательны, чем нынешний «король».

Не сойти с ума в прошлый раз помог старый маг из людей, сам не вынес пыток, а эльфу помог. Тогда тоже было плохо, очень долго сознание двоилось, явь путалась с бредом. Но он – выдержал. Значит, справится и второй раз. Теперь проще. В прошлом, которое теперь никто не помнит, он потерял всех, кого ценил и уважал. Их выносили из камер одного за другим. А он упрямо ждал своего шанса, цепляясь за несбыточные надежды: рано или поздно сочтут слабым и сделают ошибку. Одну, хотя бы одну!

Он тогда знал и мог достаточно, чтобы переломить ход безнадежной войны – и про демонов, и про ловушку для них, и про плату, которую следует внести. Он сам был одним из тех, кто подготовил ларец-ловушку. Не знал лишь об одном: жертва уже выбрана и кровью своей подтвердила согласие заплатить по старым счетам эльфов... Не знал и того, что маги и шаманы спели все необходимое, завершили вязь заклятий на крышке ларца. Если бы догадывался – предпочел бы сойти с ума!

Что может быть хуже для воина-храна, избранного беречь королеву Тиэсу?

Он не вывел свою королеву из ловушки ведимов, куда они сунулись малым числом в последней безнадежной попытке укротить пожар безумия, охватившего мир Саймиль.

Он сам произнес невозвратные слова и опустил крышку ларца, соглашаясь на «оговоренную плату», без которой сил на заточение демонов не хватало у всех магов Саймили. Он исполнил долг и выжил... Но, едва стих грохот чудовищной отдачи заклятия, он узнал то, что от него держали в секрете.

В пустом лабиринте пещер жив лишь он, один из всех. Он обыскал все закоулки черного застенка... Тиэса лежала в своей камере, очень тихая и спокойная. Невозможно красивая, словно не было проклятой войны и долгих месяцев заточения. Королева была окончательно и необратимо мертва.

Много позже, когда похоронили погибших, когда затянулись раны выжившего храна, и боль утраты перестала сжигать его сознание целиком, маги виновато подтвердили: для печати на ларце нужна была только кровь королевы. Тиэса все знала и строго запретила говорить о совершенном обряде личному храну. Понимала: он никогда не поведет ее в лабиринт ведимов, на верную смерть. Хуже, он постарается выкрасть и станет делать любые глупости, самые немыслимые, забыв про войну, демонов и угрозу всему миру.

Тиэса была древней королевой, и подданные звали ее «Сердцем мира». Увы, давно и безнадежно израненным. Ведь именно избранник королевы впустил в мир зло первых демонов: поддался черному зову духов, проникших в мир из глубин нездешнего. Именно король предал свой народ, открыл ведимам секреты первозданной магии эльфов, сделав их безмерно опасными. Скорость реакции тварей возросла, их заклятия обрели новую мощь. Король предал всё, стремясь обрести власть над миром Саймили. И начал войну, которая в итоге стерла из мира эльфов, навсегда сделав их малым народом, ничего не решающим и живущим в жестокой изоляции.

Не везет эльфам с королями, если разобраться. Нынешнее ничтожество – чем лучше? Зато королева... она была безупречна.

Орильр помнил себя прежнего, из времени древней войны – молодого упрямого дурака, тенью следующего за королевой, которую подданные оберегали и любили безмерно. Он тоже оберегал, старался хоть немного облегчить бремя её бед. И – молчал, как истукан. Какой смысл говорить, что ты тоже любишь ее? Будь счастлив, что признали лучшим воином и позволили находиться рядом, видеть каждый день...

Седой закашлялся в приступе удушья, вызванного и каминным дымом и старой болью утраты. И горьким смехом – тоже. Если бы «король» знал, как хран, не сохранивший королеву, винил себя тогда, безмерно давно, как просил сородичей о казни! Он желал боли, чтобы хоть так утешить истерзанную душу. А его уговаривали, успокаивали. Хуже, считали героем. Даже осмелились просить стать новым королем. Эльф усмехнулся. Хоть одно приятное воспоминание – как он гонял их всех по разрушенной площади прежней столицы! Впрочем, впрок не пошло. Королем предложили быть Лиррэлю-а-Тэи. Всего лишь за то, что он приходился племянником «спасителю мира». Только у вечных дядя может быть гораздо младше племянника! Лиррэль охотно принял власть и наслаждался ею. А «спаситель» – Лильор-а-Тэи, высший хран погибшей королевы – ушел из Лирро и долго бродил по странам людей и гномов. Так долго, что на родине забыли и его имя, и даже прозвище Ключник – то есть «закрывший ларец зла»...

Между тем дома, в долине эльфов, подданные короля Лиррэля все чаще пользовались возможностью уйти в сон забвения. Решали таким образом любые проблемы, забыв, что утрата памяти и личности – величайших грех для эльфа. А прежде было и более того – преступлением. И память всего народа... таяла.

Вернувшись, Лильор-а-Тэи не застал родных, способных узнать его, и обрадовался: никто более не зовет Ключником. Осталось лишь обновить имя. Прежнее – Лильор-а-Тэи – до сих пор иногда встречается в уцелевших пергаментях. Зато нового, ничуть не королевского, – Орильр – там нет. Теперь никто не ведает прежнего имени седого... Никто! Иначе выскочка Лэйлирр знал бы, что хран, не с ним боролся! Хран Тиэсы невольно погубил древнюю королеву, однако же он никогда не признавал иных носителей венца, переплавленного из ее диадемы. Более того, алмазы диадемы он не отдал для новой короны.

Лиррэль с трудом, но мирился с непокорностью родича, уступившего ему корону. А позже терпел по привычке. Это оказалось не так уж сложно: в столице новой страны, Лирро, назвавшийся Орильром почти не бывал, с утратившими память и личность соплеменниками он общался неохотно.

Бывший хран старался жить и «не делать глупостей», ведь он дал такое обещание самой Тиэсе! И он честно исполнял последний долг. Даже пытался наладить жизнь.

Однажды показалось: вот девушка, до боли похожая на древнюю королеву, на утраченное Сердце эльфов. Сходство было лишь внешнее, но и это грело душу, сладко обманывало рассудок... Орильр обманывался охотно, он сам выдумывал и взращивал нелепые мечтания. Мол, не случайно всё, не лицо подобно, это душа королевы пытается вернуться в мир... Когда жена предала, выстроенные на песке замки рухнули.

То была самая страшная пытка «короля», – усмехнулся Орильр. Знал бы самозванец, насколько – порадовался бы...

Тиэса-а-Роэль утрачена для мира, и эта боль не пройдет. Кровью и жизнью Тиэсы демоны заперты в ларце. И, пока они не сгорели, пока пляшут злыми Огнями ведимы, призывая тьму из бездны, душа королевы будет оберегать сохранность заклатья, слов которого никто уже не помнит. Нет более магов, способных повторить прошлые деяния.

Орильр устроился поудобнее, плотнее сжавшись на пяточке раскаленного каминного дна. «Король» обещал откормить и подлечить до новой пытки. Хорошо. Даже замечательно: первый шанс за тягучие десятилетия боли, подтачивающей остатки желания жить.

Он бы давно ушел в сон, лишаящий бремени прошлого. Но забывать – то же самое, что предавать. Не друзей, но их память... А ведь неизвестно, что хуже. Орильр попытался улыбнуться, сухие губы треснули, жажда стала донимать острее. Ничего, тюремщики напоят – им велено сохранять в пленнике малую искру жизни.

Орильр снова упрямо улыбнулся. Безмерно давно был один вечер.

Гномы, обещавшие прорубить вход в катакомбы ведимов, еще не закончили туннель. Образовалось немного свободного времени. Маги копили силы, бойцы отсыпались впрок, и у людей, и у эльфов с гномами это получалось успешно и выразительно. Потолки дрожали от храпа!

Хран тогда решил: именно спасаясь от усердия отдыхающих королева пожелала посетить водопад заброшенного парка.

Тиэса гуляла, напевала что-то почти неразличимое для слуха. Смеялась, принимая слабые, вялые, на полусухих стеблях, поздние осенние цветы, которые усердный хран умудрялся находить в глухой темноте безлунной полуночи. Тиэса была необычайно спокойной, даже веселой. Обряд уже прошел, плата уже объявлена – ларец сам возьмет ее. Либо когда его закроет кто-то из идущих в катакомбы с Тиэсой, либо когда иссякнет последний вздох королевы. Значит, старую вину эльфов, передавших ведимам опасные знания и возжелавших власти, можно счесть искупленной. Подобные счета должны оплачивать короли, она была уверена. И раз сделано всё возможное... Все эти мысли королевы Орильр смог понять гораздо позже. А тогда...

– Ну-ка постой, самый молчаливый из моих подданных, – Тиэса вдруг поймала руку с очередным цветком.

– Жду ваших приказов, *единственная*, – мягко поклонился хран.

– Ждет он, – с сомнением пожала плечами королева, изучая цветок. – Нормальные подданные так и делают. А *не* нормальные умудряются на редкость нетактично и выразительно молчать. Ты хоть понимаешь, что так внятно «рассыпать» комплименты непристойно.

– Я не смею...

– Нет, мысли я читать не умею, – рассмеялась королева, вызвав новые подозрения в этом утверждении. И добавила заговорщицким шепотом, вцепившись ноготками в ухо рослого храна и вынудив его склонить голову: – Но у тебя же глаза светятся зеленью в темноте, как у кота. Да не шурься, мне всё равно видно! Готова спорить со всеми гномами мира, хоть нет никого упрямее и памятьливее на нашей Саймили, которую они зовут Симиллой, а люди – Саймилией: ты думаешь о королеве... недопустимое.

– Нн-е-ет, – охрип «кот», попытался покачать головой и обнаружил, что королевские ноготки имеют цепкую и твердую хватку.

– Зовешь меня в мыслях на «ты», – сокрушенно продолжила Тиэса. – И полагаешь, что мальчишке трех веков от роду дозволено иметь мнение о глазах, руках и, страшное дело, талии королевы. И так далее, – обличающе кивнула Тиэса, дождалась нового покаянно-стонущего восклицания и нехотя отпустила ухо. – Ты с первого дня в свите действовал мне на нервы, ты вмешивался в дела, ты безобразно пристально смотрел и неподобающе отчетливо сочувствовал... Дикий и глупый, но советники говорили – полезный. Сначала я собиралась удалить тебя из королевского эскорта вопреки здравым доводам, но в наше время умение убивать, выживать и защищать важнее иных качеств. Ты выучился этому пугающе быстро и безошибочно, ты вырос в войну и знаешь ее как главное свое предназначение. Я обязана тебе жизнью, кажется, даже дважды...

Хран кое-как перевел дух и остался стоять столбом, чувствуя себя окончательным дураком, ничего не понимающим в странном, даже невозможном разговоре. Ведь королевы с охраной не общаются, таков этикет. Для приказа довольно и жеста. Правда, он действительно давно и бестактно вышел за рамки своих прав и этикета. Не допускал к королеве ночных гонцов с дурными вестями, гонял бестолковых просителей, отнимающих у нее редкие минуты отдыха, выискивал и подбрасывал в комнаты и походные шатры столь любимые Тиэсой луговые дикие ромашки – цветы, строго недопустимые этикетом хотя бы за свою убогую, нищенскую простоту...

Само собой, он думал про королеву и смотрел на нее. Уже пять с лишним десятков лет, недолго по меркам эльфов... Но опаленные пожаром общего безумия, они куда плотнее и ярче многих мирных веков, пресных и размеренных. Он видел королеву в день, когда сгорела столица, когда эльфы во второй раз оставили укрепления и ушли, не сумев даже похоронить погибших. Он был рядом при первой встрече с давно разорвавшими союз гномами, когда разговор начался со свистящего замаха секиры... Раненой он тоже помнил ее, и еще – отчаявшейся, перешагнувшей через свое горе и снова готовой спасти то, что можно и нужно спасти. Но до сих пор не видел такой – беззаботной и какой-то... недопустимо молодой. Он не задумывался о возрасте королевы, это не имеет смысла в мире эльфов. Она была – *единственной*, и для него, действительно мальчишки, она была – всегда.

Ухо, смятое тонкими, но сильными королевскими пальчиками, потихоньку перестало гореть и теперь тлело вполне терпимо, то есть – равномерно со вторым. Интересно, ей и это видно в темноте? Жутковатое зрелище: глаза горят, уши полыхают...

– И, раз мой охранник возмутительно наблюдателен, он и о руках королевы все знает, – фыркнула Тиэса, не пытаясь сдержать смех, – а избавиться от него невозможно, мне пришлось привыкать к твоей бестактной опеке. Самое возмутительное, я и правда привыкла. Мне даже стало интересно, что не совместимо с моим положением, возрастом и обстоятельствами. Меня более не донимает прошлое, и мой голубоглазый предатель-король канул в бездну, даже снов не портит. Но сегодня ночь королевской мести. Я желаю сказать то, что думаю, и получить одно обещание. Простое. Сейчас ты так полагаешь.

– Любое, – решительно сообщил хран.

– По-детски опрометчиво, – улынулась королева. – Если ты уцелеешь, не делай глупостей и изволь жить. Это посильно, так что не выдумывай наперед отговорки. Я пережила и того, кого любила, и свою любовь к нему, и ненависть, и отчаяние.

– Я-я...

– Молчал полвека, и теперь прикуси язык, – сердито посоветовала Тиэса. – Все же мне во много раз больше веков, чем тебе. Молчать – умная тактика, ты пока и понятия не имеешь, какими восхитительными гирляндами слов пытались ублажить мои милые ушки в прежние мирные времена. Говорить комплименты ты едва ли научишься, нынешнее наречие грубее изначального. Про книги, стихи и общее образование я из милосердия умолчу. С такими кулаками не играют на арфе... И все же, вот что я хочу сказать тебе. В этом мире и в этой жизни твое место известно нам обоим, и оно не изменится, даже если ты изведешь все на свете заросли моих обожаемых ромашек. Но в ином мире, который нам не дан, я была бы рада каждому цветку. Поэтому постарайся выжить и не забывай посматривать по сторонам. Может, найдешь, кому подарить уцелевшие ромашки. Поиск – тоже определенный смысл для долгой жизни. Потом поймешь.

Орильр вздрогнул, покидая воспоминания.

На спину лилась вода. Камин остывал...

Седой эльф попытался сесть, поднял от пола непосильно тяжелую голову. «Король» в чем-то прав. Лучшим из воинов он, хран истиной королевы, был очень давно. Но упрямства не растерял, да и опыт с тех пор копил с полным усердием. Конечно, сейчас он едва ли сможет голыми руками уложить выставленную в каминном зале охрану – троих недотеп с арбалетами и пару бездарных мечников. Но их уверенность в собственной безопасности весьма занята. Три тысячи лет не было войн, а изоляция добавила вовсе не опыта, скорее уж глупого самонадеянности. И презрительного высокомерия сытых и сильных к слабому и забитому. Орильр бесильно обмяк на камнях, втайне радуясь и рассматривая охрану из-под век. Один толковый гном уделал бы всех! А сын короля Гррхона, который вошел в катакомбы вместе к королевой и её храном и остался в коридоре один, дав время спрятать ларец, – тот бы смахнул дурней и не заметил...

Орильр, седой покалеченный эльф, пока не стоит в бою и полгнома, и то – обычного норника, а на рыжего наследника подгорных королей. Так что надо лежать и отдыхать. Хорошее место – старый дворец. Все здесь знакомо, всё создано лучшим из поздних друзей. Занятно... хоть кто-то из нынешних малолеток способен выяснить, что здесь, в центре огромного камина, есть люк? Кажется, на планах его никто не обозначал, то была детская шалость. Влюбчивому парнишке исполнилось всего-то пятнадцать веков, его счастьем так радовалась душа! За недопустимо короткую для вечного жизнь юноша построил всего один дворец. Пусть так, но ведь лучший из всех, живой и настоящий. Если слушать фонтаны внимательно, в них и теперь звучат голоса Бильоля и его жены – единственной женщины рода людей, посетившей стану эльфов за три тысячи лет замкнутости. И похитившей у бессмертных лучшего художника. А вывел Бильоля за Стену он – родич короля, о силе крови которого все давно забыли. Как смешно было смотреть на переполох с тройным пересчетом колец допуска во внешний мир! Интересно кстати, кто еще бывает там? Счет не сошелся, значит, пара колечек на руках у самых любопытных...

Орильр лег поудобнее, с удовольствием отмечая – камни остывают. Он прикрыл утомленные глаза и забылся сном. Обычным, не несущим угрозы забвения и утраты личности. Самым счастливым и редким из всех. Прежде он видел этот сон лишь однажды и не мог позже вызвать по своему желанию, как многие иные.

Во сне молодой страж Лильор-а-Тэи сидел на холме – зеленом, полуденном и ярком. Спина его грелась о белый песчаник одинокой скалы. Под холмом, лежал луг, окруженный дра-

гоценным поясом серебряных ив и огражденный ими от сплошного лиственного леса, который украшали багровые и золотые кроны клёнов. Такой лес жил лишь в прежней стране эльфов – Рэлло, в землях, где правила Тиэса.

Тот мир сожгла древняя война. Но в видении лес шумел и танцевал, гибко покачиваясь под ветерком. В пушистой зелени луга устроилась королева, одна, без свиты, и потому никто не мешал ей нарушать этикет. Сидеть босиком и плести венок из луговых ромашек. И никто не мешал храну нахально полагать, что венок подарят ему. Если не подарят, можно улучшить минутку и самому украсть королевское сокровище. Тиэса притворно хмурилась и качала головой. Ее великолепные серебряные волосы рассыпались по плечам, мягко сияли под солнцем. Мысли наглого мальчишки читались совершенно отчетливо, но не вызвали порицания. Глаза королевы были спокойные, ясно-серые и теплые, как летний полдень...

Прошлый раз сон пришел перед самым выздоровлением. Полумертвого храна вынесли из развалин катакомб и усердно лечили, пытаясь уговорить остаться в мире живых. Старались лекари людей, знахари гномов, маги всех трех рас и немногие выжившие друзья, – но задерживаться на опустевшей земле Лильору не хотелось. Лишь во сне он припомнил данное королеве обещание... и сокрушенно признался: оно оказалось в исполнении совсем не простым. Как она и предупреждала – древняя, знавшая многое наперед.

Увы, трудность осуществления не отменяет обязательств. Ни тогда, ни теперь.

Поток ледяной воды окатил голову и плечи, смыл покой счастливого сна.

Орильр нехотя вернулся в реальность заброшенного дворца. Тот же камин, остывший напрочь, те же камни под боком. Только охрана сменилась. Впрочем, число и умение у новых так же позорны для рода эльфов, чем у прежних.

Седой с интересом пронаблюдал, как приблизился слуга с ведрком и вылил вонючее содержимое емкости в скотное корыто, придвинутое к камину. Помои, самые обыкновенные. «Король» неоригинален, унижает по мелочам. Но теперь – не важно. Впрочем, как и прежде.

Шанс уже совсем близко, и для побега потребуются силы. Восстановить их можно, используя любую пищу. Орильр благодарно кивнул парнишке с ведром, смущенному своей причастностью к службе пыток, и медленно двинулся к пище. Он уговаривал руки дрожать как можно усерднее. Он запрещал телу показывать, что малые крохи прежней подвижности еще сохранились, как раз на один рывок. Есть хотелось до помутнения рассудка, но ползти следовало медленно, а выглядеть – жалко. Дважды седой терял сознание и отлеживался, из последних сил выдерживая избранную заранее ничтожную скорость перемещения. Лишь к полудню он добрался до корыта и позволил себе есть жадно и неразборчиво, облизывая руки и пачкая помоями уцелевшие в жаре костра пряди длинных слипшихся волос.

Орильр не тратил сил, чтобы убрать волосы. За уши не получится – уши ему укоротили еще в катакомбах ведимов. Помнится, так и сказали: «Чтоб не верил, что отличается от людей внешностью, а заодно – и способностью жить долго». Мол, сегодня уши, а ночь повисишь, – и завтра уже шею... Хороший план, согласился он. И утром основательно занялся чужими шеями, зря тюремщики плохо закрепили тот крюк...

Орильр выловил последний кусок густого месива и позволил себе отдышаться. Пусть презирают. Пусть смотрят, как на зверя в клетке. Диких считают глупыми, слабых – безопасными. Он очень глупый и совершенно безопасный: глуховатый, полуслепой, больной. А еще он когда-то был наставником следопытов и первым мечом короны, но этого уже не помнят. Есть своя польза в снах забвения, есть!

– Животное, – выдохнул один из юнцов-арбалетчиков, отворачиваясь и сглатывая рвотный спазм. – Псих.

– Терпи, завтра утром его переводят в подвалы, – сдавленно посоветовал не менее зеленый мечник. – Там своя охрана. Пыточные, они к такому привычнее. Слушай, а он точно эльф? Уши сверху короче человеческих, как я себе представляю их.

– Вроде да, – с сомнением отозвался третий охранник. – Тот важный чин, из сыскных, говорил, что он выродец. Его покусали бешеные твари внешнего злого мира у защитной Стены. С тех пор подлец служил им и готовил гибель для Лирро.

– С советником всегда так, мне говорили иное, – зло отрезал последний и шепотом добавил: – это, мол, и есть настоящий убийца нашего истинного короля. И он будет жить, пока не назовет всех сообщников.

– Вот как, – выдохнул первый. – А я его почти пожалел. Думал, зря мучается.

– Не зря, – скривился самый осведомленный охранник. – И пока не мучается. Завтра им по-настоящему займутся, пусть говорит, что следует. Знаешь, что такое «черная оса»? Эй, зверек, и тебе полезно будет послушать. Универсальный яд. Его наносят иглой. День за днем, пока он не проступит татуировкой. В каждом нерве, в каждой мышце. Вкалывают несколько лет, а выходит он из тела веками. И во все эти века неотступная боль.

– Тогда я и не знаю, кто здесь животное, – засопел мальчишка и отвернулся. – Что мне дома не сиделось? Ах, столица! Я думал: дворец, балы, библиотека. Вот и получил свое. К пыточному делу оказался годен.

– Предатели достойны наказания, – упрямо сообщил старший. – И презрения.

Орильр лежал, прикрыв глаза, и внимал блаженной сытости, разливающейся по телу. Приятно до головокружения, что мальчишки не так плохи, как можно было ожидать. И что убивать их не надо – тоже хорошо. Дурно одно. Уходить надо сегодня, а сил почти нет. До Стены отсюда пешком не дойти, не доползти... Значит, надо лежать и думать. Кони наверняка стоят в старой конюшне, как и прежде. Там тоже стражи, их будет опять же жаль. Глупых, запутавшихся, наивных.

Может, попробовать путь через Зал южных песков? Там прежде жили пустынные ящеры, дикие и почти такие же вечные, как эльфы. Двоих он знает: мать племени Драконэль и ее старшую дочь. Может, еще живы и помогут? Настоящего разума у ящеров нет, но их память и сила велики. К югу от дворца заброшенный парк, за ним – лес.

Если не будет следов и запаха беглеца, никто туда не пойдет. Оттуда выбираться на волю, за выстроенную глупым племянником Черную стену, много проще. Древние эльфы звали Стену «удавкой смерти», а новые советники – «нерушимым щитом». Сколько раз говорено было Лиррэлю: не отрывай свой народ от общения с миром, в уединении нет развития. Но ему хотелось быть королем, не подлежащим сравнению. Зачем такому чужие посольства, соседи с их склоками и просьбами?

В год воздвижения Стены Орильр расстался с последними друзьями. Весь стоящий уважения совет мудрых покинул долину. Мудрые унесли ларец, опасаясь очередных чудачеств Лиррэля. Так демонов, запечатанных душой королевы Тиэсы, передали людям. Для короткоживущих бремя непосильное, давно следует провести их орден и выяснить, целы ли маги, как им удастся противостоять времени, жестокому к памяти и славе прошлого. А ведь до сих пор справляются! Иначе ведимы уже вернули бы демонов в мир.

Орильр напился мутной жижи, устроился поудобнее и задремал. Скоро закат, а там и до ночи всего ничего. «Король» не даст окрепнуть. Всего-то день выделил для восстановления, угрожающе мало!

На закате тюремщики преподнесли пленнику внезапный подарок. Наловили в подвале крыс и бросили их в корыто, обварив кипятком. Чтобы было смешнее, сыпанули на камни две горсти приправ. Застали по решетке, вынуждая седого проснуться.

– Ужин, зверек! – шумел самый «умный». – Жри. Их, может статься, отравили, ловить было слишком уж легко, но к ядам тебе так и так придется привыкать.

Орильр сосчитал крыс и улыбнулся. Полчаса на ужин, два – на отдых. К полуночи он станет гораздо сильнее. Хорошее начало многообещающего вечера. Седой медленно подтянул свое сухое тело к краю корыта, сел, опираясь на руки и почти без усилий демонстрируя слабость. По крайней мере, головокружение было неподдельным. И приключилось оно от тошноты скороспелой сытости в смеси с гневом. Эльфы находят забавным кормить соплеменника крысиатиной! И кто – охрана, а не палачи. Не просто охрана, а истинные храны из службы Жаса!

До чего добрел Лирро, светлые звезды! Стоит ли дальше стремиться к чему-то и бороться? Впрочем, сдаться никогда не поздно. А пока, раз некоторые хотят развлекаться, надо помочь им. Тем более – есть специи. Настоящие травы дикого леса, один их запах напоминает о свободе и дарит радость. Орильр взял щепоть и бережно понюхал. Лизнул, улыбнулся. Крысятина в его тюремном меню – вовсе не гадость. Обваренную и даже со специями он еще не пробовал, должно быть весьма недурно.

Седой благодарно кивнул мечнику и задумчиво глянул на свой ужин.

Наивные ребята! Пять веков он сидит в клетках самого разного и одинаково мерзкого вида. Брезгливый бы давно умер или дошел до окончательной слабости. А он – воин, он не может позволить себе прекратить тренировки. Сухость тела и чудовищная худоба обманули даже достаточно опытного Лэйлирра. Но это еще не окончательное бессилие. Просто нынешняя внешность смотрится поистине удручающе на фоне розовощекой беспечности окружающих. Седой выбрал самую аппетитную крысу и покопался пальцами в приправах.

– А слизней в подвалах не нашлось? – тихо и мечтательно спросил он. – Нежное, деликатесное мясо. Не хуже виноградных улиток.

Самого младшего все же вырвало. Он зло всхлипнул и ушел в дальний угол обширного зала, бормоча что-то невнятное, бессвязное. Седой удивленно и почти благодарно отметил – малыш ругал не его странные слова, а жестокость своих напарников.

Четверо старших молча и потрясенно смотрели. Им уже не было смешно. Когда пленник закончил ужин, арбалетчики следили за ним куда пристальнее. «Умный» мечник сходил и привел младшего. Тот все еще всхлипывал и смотрел на страшное существо в клетке с каким-то окончательным отчаянием. Малыш – понимал Орильр, теперь глядел на существо в клетке и думал: что могло так изуродовать эльфа, от природы – доброго, если на пленнике действительно лежит страшная вина? Правдивы ли обвинения? Что надо сделать с эльфом, чтобы он ел столь мерзкое – с настоящим удовольствием? Как король может радоваться мукам подданного, пусть и не самого верного? Мальчик думал много, нервно и невнятно. И мысли, не всегда разборчивые для него самого, – Орильр усмехнулся, припоминая королеву, – читались до смешного отчетливо на лице, в глазах, в неуловимым движениям рук и смене позы. Это и называется – разница в возрасте.

Пленник улыбнулся. Может, он поумнел. Но говорить комплименты и играть на арфе так и не научился. Как глядела бы на него Тиэса, узнай она, что у непутевого храна нет даже самой малой толики отпущенного каждому эльфу музыкального слуха? Наверное, она бы посочувствовала.

– Не переживай, малыш, – посоветовал седой. – Жизнь штука сложная, а вы так много спите и мало помните, что забыли и это. Злые шутки тоже идут от излишней простоты. Я не в обиде за этот нелепый ужин. Все лучше, чем голодать, уж поверь.

– Не понимаю, – в полном отчаянии всхлипнул арбалетчик.

– О, это куда честнее и взрослее, чем всё и сразу понимать, – утешил Орильр. – Прежде эльфы жили дольше и становились по-настоящему взрослыми. Они уважали королей не потому, что так им велят. Сами выбирали правителей и не исполняли злых и глупых приказов. Я выбрал свою королеву сознательно. Я присягал только Тиэсе-а-Роэль, именуемой Сердцем эльфов. Лирро – не мой мир, я родился в Рэлло, и помню тот край. Здешние правители меня не интересуют, ни умерший, ни живой. Но я рад, что некоторые до сих стараются думать самостоятельно и растут.

– Ты, как утверждает наш не слишком честный служитель, убил короля, – прищурился старший, все более досадуя на странную беседу. – Это стоит наказания, и самого тяжкого.

– Да сдался он мне! – тихо рассмеялся седой. – Ничтожество, огородившее страну Стеной. Он лишил вас радости и права познавать мир. И все же он был лучше нынешнего подлеца. Если бы я взялся за дело, начал бы с Лэйлирра. Скажи лучше, вас сильно накажут за мой побег?

– Наглец, – почти восхитился младший, даже слезы высохли.

– Если упустим в прямом бою, само собой, не пощадят, – куда практичнее прикинул старший. – Но ты же двигаешься с трудом, зверек.

– А если по недосмотру советника? – задумчиво уточнил пленник.

– Тогда голову снесут советнику, – с явным удовольствием предположил мечник. – А нас в ссылку, во внешний дозор, в дикие леса. Хорошее дело, от двorca далеко.

Орильр покивал. Смешная беседа. Кошки-мышки. Стоящие вне кружева каминной решетки полагают, что он, седой старик, – жалкая безумная мышь. Младший жалеет сумасшедшего родича, теперь уже это совсем очевидно. Хороший, добрый мальчик, в лесу ему будет куда уютнее. Мутные усталые глаза бывшего храна поймали взгляд синих наивных, которым весь мир в новинку.

– Флягу подаришь? – серьезно спросил седой.

Малыш задумался. Неуверенно помялся, глянул на старшего, решительно качнувшего головой. Мол, нельзя. Да и к решетке подходить – строго запрещено. Малыш снова вздохнул, упрямо закусил губу и непослушными пальцами стащил с плеча флягу на ремне. Еще раз пожевал губу, зажмурился. Потом все же шагнул вперед, и еще, еще...

Идти ему было страшно, бросить флягу издали не позволяли ни воспитание, ни храбрость – пока еще детская и глупая, но способная вырасти в нечто стоящее. К тому же пацан желал хоть немного ослабить бремя вины за шутку с крысиным ужином.

Сухая рука пленника приняла флягу под донышко, не угрожая неосторожному стражу. Двое арбалетчиков, нервно выцеливавших врага, чуть расслабились. Синеглазый отшатнулся назад и выдохнул.

– Зря тратишь время на арбалет, – задумался Орильр. – Не твое. Ты из рода Шаэль, это очень заметно. Вы всегда были хороши с парными клинками. Легкими, сабельного типа. Теперь, пожалуй, и не учат такому бою.

– Не учат, – преодолевая дрожь голоса, кивнул малыш. – Я думал, в главной библиотеке...

– Нет там ничего путного, – сморщился Орильр, все более забавляясь беседой. – Зато если внимательно смотреть на узоры стен Зала туманного восхода, это отсюда в двух коридорах к востоку, можно кое-что и рассмотреть. Как-никак, строил это чудо старой столицы Бильоль-а-Шаэль. Он был одаренным бойцом, хоть и сущим мальчишкой. Сходи, когда удастся сюда вернуться. Назови себя и попроси об уроках.

– Эй, зверек, – перебил старший, – мы сменимся через десять минут. Так что заканчивай с трепом и совершай чудо. Или отдыхай. Позже не получится ни то, ни другое.

– Значит, по счастью, еще есть время. Я чудовищно устал от молчания, – рассмеялся седой. – Дождусь, пока придут ваши сменщики. Вам же лучше, лишние свидетели, меньше вина. Знаете, я рад, что мы так мило поболтали. Тяжело покидать Лирро, полагая соплеменников слабыми и гнусными слугами ничтожества. Увы, как бойцы вы не стоите ничего, уж извините. Зато в остальном вполне нормальны, а это куда важнее.

– Почему не стоим? – возмутился старший. – Меня учил сам Рольэри-а-Лоэ.

– То-то и оно, – вздохнул седой. – Его учил Дольмилль, а малыша наставлял Шильосэль, которого кое-чему вразумлял относительно дельный воин, хоть и не знавший настоящих боев, Кэльвиль. – Седой с едва уловимой иронией добавил: – Ученик самого Жависэля.

– Точно, – удивился мечник. – Это немногие помнят.

– Мне, наоборот, трудно забыть, – рассмеялся Орильр. – Поскольку Жаса учил я. И тебя, придурка, тоже. Еще до прошлого твоего сна. Чем глаза лупить, попытался бы хоть теперь наскоро вспомнить то, что прежде неплохо знал. Ну как ты держишь клинок, смотреть тошно! Из всего, что я дал, ты запомнил и странным образом выловил в пустом, как нутро барабана, сознании, только одно слово. Вот и цепляйся за него, пробуя восстановить прочее.

– Ты опасный... зверек, – замотал головой мечник. – То есть пленник.

– Очень опасный, – уточнил Орильр. – Я говорил в твоей прошлой жизни, что настоящего бойца из тебя в мирное время не выйдет, нет практики. Но все же ты вполне юркий, опасный и хищный...

– ...зверек, – с усмешкой кивнул мечник. – Тогда хоть понятно, с чего ко мне это словцо привязалось... мастер.

Орильр кивнул, мягко встал и отошел к середине каминного круга. Синеглазый охнул и замотал головой, удивляясь незнакомой легкости движений «умирающего».

Потом резко обернулся – звук открывающейся двери застал юношу врасплох, показался грохотом. Впрочем, почти так и было. Из коридора появились, зазвенели цепями для пленника, служители пыточного дела. Они вошли деловито, осмотрели зал мрачно, с равным презрением мазнув взглядами по пленнику и его охране. Сегодня – охране, а завтра... кто знает? От «визита» в подвалы никто не гарантирован...

Седой с насмешливым прищуром приветливо махнул прибывшим рукой. Эльфы резко остановились, заподозрив неладное. Памятный Орильру по долгим и мучительным прежним «беседам» Высокий служитель пыточного дела уронил звякнувшую инструментами сумку, рванул с плеча малый арбалет...

Он почти успел. Болт звучно щелкнул по закрывающимся за спиной пленника треугольным лепесткам камней в центре камина.

Сопровождавший палачей Высокий хран зарычал на своих подчиненных, требуя сделать хоть что-то, достойное внесения в отчет. Те взялись усердно обыскивать и обстукивать зал – полы, стены, колонны...

– Хватит глупостей, – негромко и с отчетливым презрением приказал служитель. – Уводи своих бездарей, хран. Им, как и тебе, теперь столицы веков пять не видать. Проворонили вы королевского пленника.

– Не мы, – безмятежно улыбнулся Высокий хран. – Мои эльфы сменились пять минут назад и сдали пост, что подтверждает твой разряженный арбалет. Идею с камином-клеткой предложил ваш мудрый советник. Я был против и отослал свои соображения Верховному. Полного плана дворца нет, пленник старше и опытнее любого из нас, я отмечу это и в новом отчете. Да, поскольку вы позволили себе при свидетелях усомниться в способностях моих подчиненных, мы удаляемся. Ищите его сами, такого ловкого и опасного. Если мы понадобится вновь,

пусть советник направит письмо Верховному храну двора, оно будет рассмотрено в кратчайший срок. С тем позвольте откланяться. Хотелось бы увидеть восход уже в лесу.

Служитель отвернулся и сгорбился. Весьма прозрачный намек. Кое-кто от созерцания восходов будет отлучен надолго, если не навсегда! Место в подвалах есть... И даром совершенный побег не пройдет тем, кого признают виновными. Служитель тряхнул головой, поежился. На охрану списать не получится! И, надо признать, их отбытие тоже будет признано его личной ошибкой. Грубой, оказавшей влияние на ход и успешность поиска пленника. Высокий служитель выругался и бегом бросился из зала, на ходу извиняясь перед храном и с неподдельным отчаянием уговаривая помочь. Если пленника удастся вернуть – он, служитель, хотя бы умрет достаточно быстро...

Хран это отлично знал. Он с самого начала не желал втягивать своих эльфов в грязное пыточное дело. Когда увидел неизбежность происходящего, сам выбрал в охрану тех, кто не захочет выслужиться в грязном деле.

И теперь ничуть не жалел мерзавца, которого считал позором дворца. Палачи должны хоть когда-то в полной мере оценить то, что предлагали своим жертвам. Высокий хран подумал это и еще многое иное, но сказал вслух, лишь предписанное этикетом. То есть мягко выразил глубокое сожаление – он имеет прямой приказ и следует ему: охрана, сменившись, до распоряжения Верховного будет пребывать на первой западной лесной заставе у Стены. Контакты с внешним миром необходимо свести до минимума, таково веление самого советника, письменное...

Орильр слышал весь разговор, шагая нижним тесным коридором, шупая слабыми пальцами темные стены. Мысленно он пожелал удачи своему забывчивому ученику и мальчишке, подарившему столь необходимую в дороге флягу. Хран своих в обиду не даст. Рольэри не лучший воин в древнем представлении, зато опытный обитатель дворца и довольно порядочный – что даже странно для приближенного короля – эльф. Приятно, что не все еще прогнило насквозь в Лирро!

Идти было трудно, сил в сухом жилистом теле едва хватило бы на короткий бой. Монотонное движение – дело совершенно иное, оно выматывало, требуя выносливости, которую седой давно и накрепко растерял, голодая. Свежие ожоги охватывали бок, ноги и локти мучительным ознобом. Опять кожа станет линять и шелушиться, словно он удав или ящер, способный ее менять. Ничего. Главное – добраться до южного зала. Если удастся, его никто не выследит. Спасибо изворотливому и неглупому храну, и следить-то пока некому: во всем дворце от силы десяток служителей пыточного дела. Они бездари в лесной науке, не способны уверенно опознать даже внятный след на мокрой траве.

До лаза в пески южного зала Орильр дополз к утру. Взмокший, слабый и дрожащий. Ожоги еще вчера, на раскаленном полу, разрослись пузырями и лопнули, теперь второй слой намокал сплошной горелой кровавой коркой. Жар все сильнее туманил сознание, лишал остатков сил и способности внятно оценить окружающее. Орильр мучительно долго вслушивался, не доверяя своему полубредовому состоянию. Если рядом служители – он пропал. Даже драться он уже не способен, даже на один удар его не хватит. Еще час-другой – и всё, боль погасит сознание, лишит последней надежды. Если найдут, второго шанса не будет. А не отыщут – он тут и погибнет, не выбравшись наверх.

Крошечный куб в окончании лаза принял тело, плитка скользнула на свое место, отрезая путь назад, в нижний лабиринт. На голову хлынул песок. Когда он закончил сыпаться, Орильр последним усилием рванулся вверх, стараясь встать, и вздохнул, кое-как дотянувшись лицом до поверхности.

Когда он очнулся, сразу осознал – вокруг светло, телу легко и жарко. Заставил себя открыть глаза и закашлялся в счастливом смехе. Драконэль по-прежнему жила здесь и пом-

нила давнего приятеля. Она выросла до непостижимого размера – не менее двадцати саженей от носа до кончика хвоста. И стояла над бережно выкопанным из песка телом, заслоняя его от прямых лучей высокого солнца. И заодно от посторонних глаз, – благодарно отметил эльф. Приподнял голову последним усилием.

Дворец виднелся у кромки песков. Никто не высматривал беглеца. Хотя, кажется, пройти сюда пытались: несколько младших ящеров лениво патрулировали арку входа и иногда шипели в сторону запертой двери, пугая чужаков, давно покинувших ужасное место. Седой снова усмехнулся, приметив в пасти одного из ящеров-охранников клочок ткани. А может, кое-кто удачно пообедал слугой? Приятная мысль.

Ящеры пришли в земли Лирро вместе с эльфами, неся на спинах поклажу и всадников. Особой скорости в дальних переходах от них ждать не приходилось, но выносливость и тяговитость огромных детей песка потрясали. Прежде, очень давно, они жили на юге страны Рэлло. Для их удобства в новом мире был построен огромный зал, который более правильно назвать грузовым двором старого замка. Теперь знакомых с детства эльфов, кормивших Драконэль с рук, у в Лирро не осталось. Вряд ли сюда рискуют заходить чужаки. Арбалетный болт не пробьет ороговелых пластин шкуры. Но разозлит. На малых расстояниях ящер способен на стремительный рывок. К тому же племя ревностно оберегает свою территорию – она и так ничтожна, чужакам здесь не место.

Орильр сел, усердно подпер руками гудящую голову. Удивленно осмотрел пожеванный плащ, рваный пояс с кинжалом, полусъеденный сапог, сандалию и остатки рубахи. Пожал плечами: семья Драконэль не только пообедала, но и отчиталась, в лучших традициях дворца...

Седой нащупал флягу синеглазого малыша, с наслаждением позволил себе несколько глотков чистой воды. Бережно укупорил остатки пробкой. Наскоро соорудил пояс из ремня фляги, пристроил чужой кинжал. Позабавился тому, что сапог – левый, а сандалия правая, то есть вместе они создают весьма оригинальную пару обуви. Натянул рубаху, прихватил плащ.

Драконэль тем временем шагнула в сторону, легла, широко разведя лапы, и стала зарываться в песок, чуть раскачивая длинное тело. Она любила катать знакомых и она – соскучилась. А еще одичала. Поэтому вдвойне желала прокатить приятеля в лес и там распрощаться с ним, предложив впредь не беспокоить. Старая дружба памятна, но в ней нет ни пользы, ни выгоды. Эльф виновато вздохнул и пожал плечами. Спасибо хоть, не забыла и не сочла врагом. Орильр кое-как заполз на широкую, замечательно плоскую спину. Устроился меж пластин и щелкнул языком. Мать всех ящеров Лирро еще помнила сигнал.

Ложе, шириной похожее на дворцовый коридор, мягко поднялось и поплыло к далекому лесу. Седой устроился на почти не пострадавшем от ожогов боку и забылся сном. Меж пластин его не видно. Да и смотреть в эту сторону теперь некому, судя по разнообразию цветов и узоров доставшихся ему обрывков одежды.

На закате Драконэль забралась в заросли ивняка и зашипела, намекая гостю, что ее терпение не безгранично, а спина не предназначена для сна усталых эльфов.

Орильр скатился по глянцевому чешуйчатому боку, неловко упал и некоторое время лежал без сознания. Когда он очнулся, огромная мать песчаных ящеров уже шествовала к замершему навсегда бархану, возникшему здесь по воле архитектора замка. Там, на вершине, центр ее маленькой страны. Мирной, свободной и очень хорошо охраняемой. Эльф улыбнулся и тихонько засвистел, благодаря напоследок. Хвост Драконэль дернулся, отмечая, что сигнал понят и принят. А новые визиты – не приветствуются.

В сумерках седой уже шел по лесу. Его заметно пошатывало, озноб горбил спину, сбивал шаг, затруднял дыхание. Но внимательные ноги, даже заплетаясь, не ступали на мягкий грунт и не оставляли явных следов. Вот бы ногам еще достало сил нести высохшее тело хоть немного быстрее! Но это мечты. Спасибо, вообще служат и помнят, что это такое – ходить. Несколько десятков лет в тесной камере подземелья, да и все предшествующие издевательства изобре-

тательного Лэйлирра, едва не вытерли из памяти саму природу движения. Он, конечно, занимался, как мог. Но много ли сделаешь без сил, при отсутствии пищи?

Кашель согнул пополам и заставил остановиться. Горло казалось шершавым, легкие до сих пор помнили ужас раскаленного камина, каждый вдох давался с огромным трудом. Но седой чуть отдохнул и упрямо двинулся вперед, безмолвно уговаривая себя – пройдет, будет лучше, главное не останавливаться. Самое страшное позади, и с каждым шагом все дальше.

После полуночи он замерз окончательно и сделал привал, чтобы соорудить из плаща балахон с прорезями для рук. Встать казалось почти невозможно, но Орильр себя заставил. И заковылял глубже в лес, опираясь на кривоватую и не особенно удобную палку. Вырезать ровную не было ни сил, ни возможности. Слишком близко замок, если станут искать – заметят. Ему ли не знать, каковы из заставников следопыты! Конечно, хран дал беглецу запас времени. Пока приказ напишут, пока передадут Верховному, а тот не вдруг рассмотрит и не сразу одобрит. И после еще выберет исполнителей, вызовет на смотр... Седой усмехнулся. Он прекрасно понимал, что охрана не станет спешить. Дней пять уйдет на волокиту. Еще сутки – чтобы взять след. Но после не будет ни минуты. Значит, надо уйти в дикий лес, туда малым отрядом не сунутся. Не то чтобы опасно, скорее не принято. Новый король так повелел: не бывать поодиночке вблизи Стены. Она ведь скоро будет рядом, хоть и за отвесным непроходимым склоном. Но охрана, если снова повезет, исполнит закон тщательно. Встанет за день лагерем, запросит разрешение в письменном виде и дождется подмоги, выделив беглецу целую неделю. За это время еще и дождик пройдет, и листопад поможет...

Орильр помнил, как его ловили в прошлый раз. Он еще не верил, что король убит, злонамеренно и сознательно. Такая подлость совершенно не в обычаях эльфов – народа, как правильно полагал синеглазый малыш, не склонного к злу. Казалось, возможен несчастный случай, путаница или стороннее участие. Вспоминались ведимы с их врожденным коварством. Орильр хотел основательно и без спешки разобраться. Полагал, что сразу его не станут грубо и решительно преследовать. Но самозванец оказался проворен.

Из библиотеки, где Орильр передал советникам свиток со старым законом наследования, седой бросился домой. Женщина, которую он почти готов был назвать женой по полному обычаю эльфов, встретила его приветливо и уговорила передохнуть, выпить вина. Он пил, пропустил мимо ушей глупенькую болтовню и всматривался в черты милого лица, до боли похожего на другое, давно утраченное. И... терял время.

Именно жена унесла его оружие, она же добавила в вино несколько капель «сладкого покоя». А потом в дверь постучали стражи и тот же, что и теперь, Верховный хран хмуро предложил пройти к королю. Жас смотрел на учителя сердито и недоуменно: вроде не мальчик, дали тебе время ускользнуть, а коли не смог – пеняй на себя...

Впервые в жизни Орильр не сумел нормально драться. Убивать эльфов рука не поднялась, а вырваться без пролития крови не получилось. «Сладкий покой» сделал свое дело. Тогда Орильр все еще полагал – хотя бы это случайность. Настой многие принимают после долгой дороги, чтобы поскорее восстановить силы, вот Нильэса и решила угодить. Почти так. Только не ему угождала.

Седой тряхнул головой. Бесполезные воспоминания! Второй раз его не догонят. Впредь он станет умнее. Беспечность, накопленная за долгие века жизни без войн, вся осталась в пыточных подвалах. Надо двигаться и думать о теперешнем, о полезном. Например, что чужой сапог – бывает же такое счастье! – не давит и не болтается. Сандалия держится кое-как, но и так куда лучше, чем без него. Язвы и ожоги к хождению босиком не располагают. Чуть позже, когда они закроются, чужие вещи можно выбросить. Он воин, мирное время закончилось. Надо вспоминать, чему его учили – ведь в свое время именно это он делал лучше прочих. Выживал, защищал и убивал. Пока, спасибо светлым звездам, требуется только первое.

Жар отступил и притаился где-то в уголке сознания. Телом овладел знакомый азарт, подобный боевому, он позволял на некоторое время забыть о боли и слабости. Почти здоровая левая рука играла удобным камешком. Дикий лес полон птиц, которые вкуснее упомянутых сгоряча слизней.

Орильр шел всю ночь. К утру он позволил себе отдых, позавтракав парой сырых куропаток и напившись из фляги. Дышать свежим воздухом было упоительно приятно. Смотреть на забытый мир свободы – до опьянения радостно. Эльф даже позволил себе слабость и признал: выбраться из когтей короля он давно не надеялся. Хотел, стремился, ловил шанс, – но не надеялся. Он устал, истрепался и высох. Он утратил цель и смысл существования. Теперь будет проще.

Он выберется за Стену и станет восстанавливать и копить утраченное здоровье. Он раздобудет или откует оружие, заново отточит боевые навыки. Он походит и посмотрит, кто и чем живет. Он отдохнет, научится спокойно воспринимать имя Лэйлирра и удалится от ужаса проведенных в каменном мешке веков достаточно, чтобы объективно, без излишнего пристрастия, рассмотреть жизнь сородичей.

Только тогда придет время решить, насколько это верно и честно – оставлять эльфов в фактическом рабстве несправедливого короля? И наоборот: есть ли у чужака, никогда не признававшего Лирро своим домом, право вмешиваться в жизнь края столь основательно, до смены короля?

Орильр улыбнулся и погладил флягу. Хорошо, что она есть! Фляга лежит на второй чаше весов, она весома и перетягивает позор свиного корыта, брезгливости и пренебрежения.

Лес южного удела Лирро радовал щедрой спелостью позднего лета. Там, за Стеной, уже готова вступить в дело осень, а здесь тепло щедрее. Орехи и ягоды поспели, и Орильр охотно рвал их горстями и ел, вспоминая стертые в пыль ощущения: подвальная сырость отбила обоняние и вкус. Зато научила радоваться каждому дню. Орильр ведь давно изжил свежесть восприятия мира. Так полно и ярко он видел, слышал и осязал лишь в юности. Тогда всё давалось впервые, а проклятая война угрожала отобрать едва обретенное немедленно, и он жил взахлеб, жадно.

Пять недель миновали, и Стена, давно омрачавшая южную, левую с точки зрения седого часть мира – выросла, приблизилась вплотную. Стена теперь резала небо надвое. Заклятие выглядело из долины как войлок сумрачного тумана. Оно было плотным и упругим на ощупь.

Орильр замер, вслушиваясь в лес. Удивленно пожал плечами: его никто так и не выследил. Или умельцы перевелись, что маловероятно, или «короля» подданные любят еще меньше, чем казалось. То есть охрана и следопыты усердно обшарили окрестности замка и сообщили, что пленником пообедала Драконэль. Пару обрывков ткани показали для наглядности, затем присягнули перед большим или малым Кругом магов. И все это вранье сошло за правду? Если так, надо серьезно подумать о возвращении. Интересно глянуть на нынешних магов... Но – позже. Когда он станет хоть немного похож на себя прежнего. Впрочем, следует признать, и за прошедшее малое время бывший пленник изменился разительно.

По редкому еще ковру осенней листвы без малейшего шороха скользил рослый мужчина. Поджарый, как породистая борзая, с развитой грудной клеткой, позволяющей двигаться неутомимо и безостановочно особым бегом, которому веками учат своих лучших следопытов эльфы. Отросшие волосы криво обрезаются, самые длинные пряди пошли на тетиву простенького лука. Старые шрамы на довольно узком лице, плотно обтянутом подзагорелой кожей, едва намечены сухими нитями, новые свежи, но их корки уже не сочатся кровью и гноем. Неправдоподобно зеленые глаза блестят весело и заинтересованно. Ожоги отболели и затянулись молодой кожей, пока еще розовой и очень нежной, меченой струпьями последних открытых язв.

Плотная и довольно тонкая, почти прямая, линия губ то и дело упруго гнется в улыбке, отмечая мирный пожар рябинника, собравшегося кочевать на своей паутинке крошечного восьмипалого путешественника, танцующий лист или удачный узор веток. Темные брови чуть вздрагивают, когда взгляд прослеживает пути движения косуль, картину вчерашней погони лисы или неприметную нору запасливого хомяка.

Эльфы любят лес, и дикие кущи Лирро действительно красивы.

Но Орильр ушел в плотный кисель заклатья, не обернувшись, чтобы проститься с долиной. Дела сородичей, живущих долго, едва ли требуют спешки.

Пока его планы впереди, по ту сторону Стены. Неодолимой, это ведомо даже королю. Ее магия столь огромна, что гасит иные заклинания. Например, она неизбежно рассеет сложное и фактически непреодолимое, наложенное на Орильра пять веков назад, едва он оказался взят под стражу – запрет творить магию. Седой чуть улыбнулся. Беглец Орильр не в силах покинуть пределов страны, если у него нет перстня с заклатьем и кровью короля. Зато Лильора-Тэи, забытый всеми дядюшка основателя Лирро, прекрасно обходился прежде и обойдется теперь без чудес и магии. Он обладает кровью, родственной Лиррэлю-а-Тэи, и кровь делает его равным покойному королю для заклатой Стены. Идея со сменой имени оказалась неплоха. Впрочем, согласись он принять корону, страна звалась бы Иллор и жила совершенно иначе. Не пришлось бы мудрым просить людей о помощи в сокрытии ларца.

Вот только у истории нет привычки разворачивать течение, даже ради прихоти вечных.

Значит, он должен бежать и очень спешить, чтобы проверить, как обошлись волны времени с демонами, запечатанными силой души и крови *Единственной*. Пять веков тайна живет без пригляда. И это наполняет сознание мучительными сомнениями. Если зло одолело Стену и проникло в сердце «короля», то каково иным народам и расам? Надо встретиться с людьми ордена, навестить гномов, разыскать мудрых.

Только одно дело безвозвратно принадлежит прошлому. Может, слова Тиэсы о том, что в поиске есть смысл, были верны. Но искать замену королеве упрямый страж более не станет. Хватит! Внешнее сходство причиняет лишь боль, а внутренне подобие – невозможно. Приходится признать, эльфы утратили свое Сердце. Поведение «короля» – лучшее тому подтверждение.

Орильр сердито встряхнулся, сгоняя с волос сырость заклатого тумана. Когда демоны сгорят, душа Тиэсы обретет свободу. Вот только найти пристанище королевы в огромном мире невозможно. Значит, ромашки для нее станет собирать кто-то другой. И венок окажется надет не на его седую голову... А он больше не готов дарить цветы, никому. Будет уважать, ценить, оберегать – но не прирастет душой. Ничего, это не страшно. Главное – вернуть *Единственную* в мир.

Он, хран древней королевы, промаялся в каменном мешке пять жалких веков и ослаб душою до глубокого отчаяния. Он почти согласился признать поражение. Каково же королеве, бессменно стерегущей древнее зло бессчетное число веков?

Седой выбрался из тени Стены. Снаружи она казалась бархатно-черной и поглощала все лучи света.

Орильр взбежал на холм, метнулся вверх по стволу сосны, вызвав восторженный переполох у белок. Они отродясь не видели таких проворных двуногих! Если разобраться, вообще знают всего одного, старого и неуклюжего.

Губы сами шепнули слова поиска и прозрения. Зеленые глаза следопыта уверенно нашли знакомый силуэт башни ордена. Брови с сомнением дрогнули: запустение заметно даже отсюда.

Вниз он ссыпался в несколько быстрых движений и побежал, не жалея с трудом накопленных сил. Либо уже поздно, либо ларец более не хранит зла, наконец-то сгоревшего безвозвратно.

Орильр замер у кромки опушки, перед древней кладкой внешней стены. Неодобрительно рассмотрел трещины, заросшие многослойным мхом, так и не узнавшие ремонта. Щербатые дыры на месте вывалившихся камней велики и никому из живущих здесь не интересны. Если здесь живут... Крепость казалась не просто брошенной, но перешедшей к глубокому запустению давно, две-три человеческих жизни назад. И все же слабый запах жилья еще витал в развалинах. Седой выслушал лес, перебрался через Стену и осмотрел пустой двор. Решительно двинулся к узкой боковой башне. Замер чуть поодаль от входа, поднял руки, покрутился на месте.

– Один я, нечего прятаться.

– Старику и один такой бугай опасен, – капризно сообщил Хорий, с трудом выбираясь на порог. – Чудно слова выводешь, старомодно. Белочек моих перепугал. Говорят, ты шибко здоров по веткам прыгать.

– Бдительная у тебя охрана, – похвалил эльф.

– Какая есть, – невесело усмехнулся Хорий. – С чем пожаловал?

– На ларец глянуть. Тут такое дело...

– Может, я очень старый и плохонький маг, но эльфа от человека кой-как отличу, – возмутился старик. Сокрушенно покачал головой. – Дело! Нет более дел. Все их без нас с тобой переделали, пока я лежал в горячке по весне, уже три года с тех пор отцвело.

– Открыли. – Тихо уточнил Орильр.

– Открыли, – обреченно согласился маг. – Пошли покажу. Только наверх я долго забираться стану. Поможешь, кость обглоданная? И где так голодом морят, хотел бы я понять. Того и гляди, ветром тебя сдует.

– Я за веточку удержусь, не переживай.

– Во-во, цепляйся. А я уж добавлю веса, для надежности.

Эльф кивнул и подставил плечо. По щербатым ступеням и правда пришлось двигаться медленно, с частыми и длительными остановками. Старик использовал их, чтобы отдышаться и стонущим шепотом рассказать о страшном.

Когда он простудился и слег, некому стало петь над ларцом. Ведимы пришли очень быстро, он не ожидал от них такой прыти. Двое. Это тоже странно – раз сильны, почему малочисленны?

Первым беду заметил ворон. Он умудрился так ловко и больно расклевать старому магу руку, что вывел его из бредового забытья. Но делать что-либо оказалось поздно.

Ведимы были наверху и возились с крышкой, ломая запоры, срезая магические печати, отражая и разрушая заклятия. Потом ларец выпустил своих пленников.

– Они сплясали Огонь? – сухо уточнил эльф. – Ведимы, это важнее всего.

– Ага, с медведем втроем, – огрызнулся старик. – Бурый сразу пришел, как позван был, да еще с семьей. Добрая душа, медом со мной делился. Вместо меня там и погиб, всем лесом его хоронили. А старшенький сынок мишки заломал-таки второго злодея. Но крышку они поднять успели.

– Значит, время еще есть, – задумчиво кивнул эльф. – Слабыми демоны пришли, во взрослое тело не войдут. От рождения расти станут, силу получают лет через пятнадцать-двадцать. Спасибо тебе, дедушка.

Хорий кивнул. Приятно, что дело жизни оценено. И что пришлый знает, как действовать дальше. Старый маг уселся на пороге верхней комнатки башни и стал с интересом наблюдать, как эльф поет почти без звука, прощупывает края ларца сухими длинными пальцами, щурится, кивает. Еще маг с удивлением обнаружил свежие ожоги на щеке, руке и шее при-

шельца, признал его худобу чрезмерной, а цвет лица – удручающе бледным и нездоровым. Задумчиво пожал плечами. Интересно, каков этот эльф в своем настоящем облике, если и теперь его движения смазаны и сложны для восприятия?

Зеленоглазый прищурился и осел на пол. Чуть помолчал, глянул задумчиво в узенькое высокое оконце.

– Один только демон и вырвался, – наконец пояснил он. – Двое легли пеплом, выгорели дотла. И этот плох, не будет бесплотным. А во плоти я его уж как-нибудь... – хищно прищурился зеленоглазый. – Значит, вы, люди, оказались покрепче вечных. Почти управились. Не обидишься, если я останусь пожить у тебя? Отдохнуть мне надо, в силу войти. У нас за Стеной не всё ладно. Уж вернее сказать, неладно всё.

– Отдыхай, – милостиво согласился старик. – И делом займись на досуге. Книги надо попрятать от дурачков, подвалы засыпать. Будет тебе работа – на весь год, да не на один, наверное. Вы своим хотением создали орден, а теперь тебе одному его косточки упокоивать. Мне осталось недолго доживать, тоже зароешь по-людски. Ведь последнюю осень вижу. Не хмурься, твердо знаю. Все же я – маг. Потом к гномам пойдешь. Неладно у них. Как бы не нашелся демон там. Любят эти твари лабиринты, если верить легендам.

– Не прост ты, дедушка, – рассмеялся эльф.

– Тебе и это в радость, – согласился Хорий и лукаво прищурился. – Куропатку на ужин желаю. В грибном соусе. Мне, магу, все волшебные существа подчиняться обязаны, так в сказочках детских говорится. Ты как, не против?

– Раз обязаны, – обреченно развел руками эльф. – Ужин на закате?

– Именно. Иди, исполняй, – умиротворенно вздохнул Хорий. – Я тут пятерых обслуживал по молодости. И не надеялся на старости лет пожить беззаботно. Ох, повезло... Э-эй, камин затопи в нижнем зале, да пожарче, старые кости ноют, это к холодам. Я уж свечи по случаю праздника разыщу. И настойку брусничную – тоже извлеку. А завтра покажу тебе кузню. Одежки на собираю, мазей от ожогов.

– Волшебный ты старик, – обрадовался эльф.

– Магический, – важно поправил Хорий.

Год спустя он ушел в последний путь людей.

Тихо, очень мирно и с ощущением верно и полно прожитой жизни. Орильр проводил старика и долго сидел на полянке, очередной раз чувствуя себя чудовищно, окончательно одиноким. Такое ощущение доступно лишь вечному. И посильно – не каждому. Оно создает соблазн признать тяготы жизни ужасающими, а бремя памяти – безмерным. Пожалеть себя, отказаться от долга вечного. Закрыть глаза и уйти в сон забвения, чтобы снова узнать наивную юность, чистую и – Орильр усмехнулся – глупую. Смерть не уничтожает опыта души эльфа, а вот сон забвения – да.

Каждый отвечает за то, что ему доверено. Людям – заселение мира, гномам – покорение гор и трудолюбие, точащее камень, эльфам – сохранение мудрости и памяти, развитие природной магии и еще неустанное и доброе внимание к живому миру. Королева называла следование предназначению изначальной магией рас.

Тиэса считала: именно изначальное определяют боги. Не зря у эльфов поклоняются Творцу, гномы почитают верховным божеством Труженика, а люди... Эти умеют выбирать себе даже богов, меняя старых на новых. Они непостоянны и забывчивы, способны на благородство и подлость. Им особенно нужны эльфы. Чтобы выбирать из двух сторон человеческой души – именно светлую.

И он обязан хранить древние знания, оберегать память и опыт прошлого, чтобы ни демоны, ни сами люди и гномы, не повторяли старых ошибок. Он обязан помнить. Хорий бы так и сказал.

Впрочем, старый маг оставил завешание. В своей обычной, чуть насмешливой, манере. Позвал недавно, усадил у своего ложа и велел поискать ведимов в королевском дворце эльфов. Мол, раз там всё нездорово, то и нездоровые – там же, сокрытые от мира и способные безнаказанно гадить.

Орильр не глядя сгреб несколько цветных кленовых листьев, которые решили украсить траву чуть раньше времени, и стал их раскладывать. Золотой – это долина Лирро, пусть он в середине красуется. Тогда на востоке, за хребтом, удачно изображаемым травяной кочкой, – большой багровый лист, это страна Рониг. А сама кочка – один из отрогов горного кряжа, где живут гномы. Орильр бросил коричневый мятый лист левее и выше золотого, то есть к северо-западу, отмечая Леснию. Эта страна людей укрылась за еще одной кочкой, снова к месту отобравшей горный отрог. Орильр не унялся, выкрошил кусочек из розового листа и отметил южнее Леснии малое княжество Эрхой. Воткнул палку между Эрхоем, Леснией и Лирро, отмечая пустую теперь башню ордена. И задумался.

– Знаешь, Хорий, ты снова прав, – почти виновато сообщил Орильр палке. – Наша долина Лирро – самое удобное место для их логова. Сколько там эльфов? Хорошо, если полторы тысячи уцелело, я так думаю. Из них две трети в столице. И я знаю, есть территории, куда король не велел заглядывать даже случайно. Он боится надолго терять подданных из виду, чтобы в их головы не закралась и тень самостоятельности. Старый лес пустует, а он огромен. Еще северный удел, что прямо при слиянии отрогов гор. И рядом два перевала – на Леснию и Рониг. Там они и сидят. Я должен был понять сам, ведь счет перстней доступа во внешний мир не сошелся, когда я увел Бэля. То есть перстни уже тогда умыкнули. Выследили эльфа из молодых, напали, сделали из него нечто послушное и безвольное своей магией... или уговорили посулами. Или убили. А дальше совсем просто. Идеальное убежище, никто им не помеха. Отсюда и страшные истории про пограничные дебри, наполненные злобными тварями. Про черных эльфов. Спасибо за совет, Хорий. Я им такую Стену устрою – сами не обрадуются. Потому что теперь, когда Лиррэля нет в живых, а коронован его убийца, кровь Лильора-а-Тэи дважды старшая для заговора Стены. Я обновлю условия допуска в Лирро. И выхода оттуда – тоже.

Седой рассмеялся, представив себе, как ведимы копошатся у Стены, пытаясь пройти ее с бесполезными перстнями, не признаваемыми новым закланием.

Легко встал и пошел прочь, к башне.

Год назад сюда кое-как добрел безоружный больной – скелет, обтянутый кожей. Теперь – иное дело. Вернуть всю полноту способностей за год невозможно, но Орильр старался, да и последний маг ордена оказался силен в лекарском деле, дружен с лесом, обеспечен запасом полезных трав. Хорошее питание, тренировки и зеленый тихий край, дающий отдых душе, тоже помогли.

О боли долгого плена напоминали только ставшие прямыми волосы, из которых седина не ушла, и Орильр привык воспринимать себя таким, постепенно забывая прежние золотисто-каштановые, с крупными волнами, волосы. Зато глаза вобрали зелень леса и опять могли соответствовать древнему определению королевы, назвавшей их кошачьими. Орильр помнил белых барсов страны Рэлло, чьи изумрудные глаза всегда следили за Тиэсой-а-Роэль. Ее любили все... Даже род диких ящеров не смел спорить, когда королева вежливо просила. А она – *Единственная* – не решалась приказывать природе.

Эльфы обыкновенно узки в кости и легки, даже худощавы. Храна королевы, желая обидеть, в древности презрительно звали «полукровкой людей» и даже «родней гномов». Последнее – чудовищное преувеличение, а первое очень близко к истине. Орильр был шире в плечах, выше, массивнее обычного эльфа. В то же время тяжелыми мышцами молотобойца, присущими гному, он никогда не обладал, обходясь упругими и куда менее рельефными, созданными и для силы, так и для выносливости, стремительности движений. Лицо храна – с довольно резкими скулами, с жесткой линией подбородка, с глазами, куда более мелкими, чем у многих иных вечных, к тому же посаженными достаточно глубоко, – тоже давало основание заподозрить в его роду присутствие толики людской крови.

Такие, как он, рождались в первые годы древнего немирья. Теперь уже не восстановить забытых тайн, но эльфийские сплетни утверждали, что на облик и способности хранов повлияли маги. Вроде бы хотели добиться чего-то уникального, но многие дети погибли, а иные приобрели черты – не внешности, увы, а характера, – несвойственные эльфам. Так бывает, когда берутся за дело, непонятное с начала до конца. Берутся с присущей детям простотой и такое создают, чего позже всем мудрым не расхлебать. Впрочем, война забрала всех, кого ради боя изменили и заклинали маги. Орильр порой с болью и тоской думал, что выжил исключительно благодаря упрямству королевы, пожелавшей заплатить и за него тоже.

Орильр усмехнулся невесело. А может, его сохранили для этой, второй войны с демонами? Потому что теперь их некому остановить. Слишком многое забыто и утрачено.

Прежде эльфы из охраны королевы выходили один на один против ведимов. Не нынешних жалких полудохлых тварей, а тех, изначальных, у кого в крови горел Огонь первых поколений перерождения. Он помнил полуторасаженного роста гигантов, способных двигаться так быстро, что взгляд людей не замечал даже смазанного следа перемещения. Носителей парных секир, с которыми Черные управлялись, как с легкими саблями. Настоящее пляшущее пламя – не удержать и не увернуться... Но он, встречавший Черных день за днем много лет, жив. Он умеет не только уворачиваться, но и гасить злое пламя.

Седой тряхнул головой, прогоняя мысли и воспоминания. Время дорого. Сегодня он закроет башню, соберет свои вещи и выйдет в путь. Кузня ордена примитивна, толкового железа нет, но и из ничего он сделал сносное оружие. Теперь он готов. Есть пара легких клинков, в бою с Черными скорость важнее силы. Имеется и топор – к гномьему снаряжению его пристрастил друг из рода Гррхон, умудравшийся давать советы даже магам, и всегда – безнаказанно. Готов лук, настоящий, сложный, из десятка разных материалов, на работу с ним ушло полгода. Осталось в пути доделать второй малый лук, тоже совсем не простой. И, само собой, заготовлено много полезной мелочи – метательной, сторожевой, крепежной...

На закате Орильр обхлопал куртку – опять гномьи привычка и одежда. Тряхнул пару раз заплечный выючок, убеждаясь в его способности хранить тишину, пристроил туда же сапоги – пусть полежат до обжитых мест. Закинул на плечи груз, поклонился пустой башне и побегал прочь.

Старый ворон долго провожал взглядом своего последнего собеседника, потом потоптался на высокой ветке, чувствуя себя неудобно. Покидать обжитой лес нет ни малейшего желания, оставаться одному – тоже. Он мудрый, он нуждается в слушателях. Нельзя лишать людей права узнать то, что накопилось в памяти за долгую жизнь. Маги – и те уважали, кормили. И эльф принял поучения с должным вниманием. Молодой еще, ну куда он один-то, пропадет!

Эльф скрылся из виду, когда ворон принял решение и снялся с ветки. В конце концов, он не настолько стар, чтобы утомиться от небольшого путешествия.

Барабаны войны

Когда эхо горного обвала докатилось стихающей дрожью от самых глубоких штолен до основных жилых уровней, оно уже не пугало яростью и силой. Так, обычное дело для подгорной страны. Спасатели знают свою работу, они всегда наготове и уже, само собой, вышли. Скоро сообщат, что и как. Король поправил чуть сместившийся жбан с перченым пивом и снова погрузился в чтение сводок разведки.

По всему выходило – люди, в сговоре со своими магами, готовят войну. Более того, всеми силами пытаются провоцировать гномов на необдуманные шаги. Хотят избежать ответственности и выставить гномов упрямыми и глупыми – они всегда так делают. И в торговле, и теперь, в более серьезном деле.

Потому что одолеть подгорное племя в шахтах невозможно. А выманив его на поверхность? Без должной подготовки – и под яркий свет горна Труженика. То-то и оно. Только глупый мальчишка, по недоразумению богов называемый наследником, мог не понять очевидного и надумать сунуться вверх. Люди этого и ждут! Знают, мальчик прост и наивен. Вспомнить хоть историю с перцем – ну, попросил. Целое дело раздули, благодарить пришлось, откупаться...

Теперь там, наверху, люди всюду выставили магов и ловят наивного наследника. Только голову высунет – и захлопнется капкан. Или на месте уничтожат, или, хуже того, в плен уведут, магией накачивать, к покорности склонять.

И в подгорном мире маги вершинников влияют на настроения, – хмуро кивнул король Кныттф Гррхон. Вот хоть родной отец – не одобряет каждого решения, словно сам в сговоре с людьми! Да и дед не особенно умен в последнее время, даром что сам вершинников воевал – а новой их угрозы не видит, как распоследний слепой Крот! То есть не может видеть. Или хуже того – не хочет. Это угроза. И не только для короля, для всего мира гномов. Разум повелителя должен быть свободен от чужого влияния, как у него, Кныттфа. И до чего слепота стариков может довести? Думать не хочется, а ведь – надо. Гхросс превыше родственных чувств.

Потому король и пошел на крайние меры. Запирать родича на три замка – дело дрянное. Дед Эфрых так и сказал, отец тоже был в гневе, но король стоял на своем крепко, как подобает гному. Ничего, от дружбы с киркой еще ни одному подгорнику вреда не было. Помашет Рртых кайлом в темноте, рубинам порадуется – и глупости из башки своей выбросит.

Еще месячишко, всего-то.

Наверху плохо. Посольство Ллтыхов подловили и выбили там же, где и все прежние. Уже седьмое посольство! Дороги разные – конец один. Кровь, ни единого следа тел и запах гнилой человеческой магии.

Нет бедам иного объяснения, кроме людской подлости. Ведь торговцы проходят без ущерба теми же тропами, где уничтожены посольства! Шныряют туда и сюда торгаши... и свои, и людские, и всегда спокойно обходится. Хоть и мало товара стало, люди и гномы знают о бедах с послами, слух-то ползет.

Кныттф пробовал отсылать гонцов тайно, под видом купцов. Непонятным злым способом их выявляли... Поддельный караван встречали, и далее все повторялось, без изменений – кровь, брошенный товар, запах магии.

Люди жестоки. Они лишили горы подвоза пищи и сочли, что король не ответит на это оскорбление. Но он ответил – пусть попробуют зимовать без угля! Думал – поймут и придут в себя. Увы...

Тяжелая плита узорного гранита, украшенного золотыми высечками и самоцветами, без звука отъехала, освобождая дверной проем. Норники личной охраны, замершие статуями в нишах, не шевельнулись. Значит, свой спешит к королю, и по делу.

Дед Эфрых вошел и грузно упал в кресло, не убирая пергаментов. Король хмуро зыркнул – подпорчены две карты верхнего уровня, они на вощенной бумаге, теперь небось в дырах и грязи. Старый всегда в полировочной пасте от пяток до корней волос на макушке. Оттого и не понять – сед ли он окончательно. Графит чернит седину, молодит старого. Может, оттого и не моется дед, и дело выбрал хлопотное и грязное? Мол, я годен еще для власти, так и знай, внучок... – Кныттф нахмурился сильнее. Никому нельзя верить! У всякого найдется тайная, гадкая мыслишка.

– Обвал был, – тихо сказал дед.

– Слышал. Что с того?

– Ничего. Полверсты грунтов легло, небывалое дело. Разобрать такое и гному в тягость. Вот и хочу спросить, стоит ли.

– Не понял, – удивился король.

– Так вроде не должно там быть никого. Я уже велел шлюзы опускать, потом вспомнил. Ты никому не сказал, куда парня упек, уже второй месяц пошел, как нет его. А там аккурат пустой город, семь ярусов, и это только основных. Место тихое...

– Где обвал? – король бережно поднял жбан и отпил несколько глотков, в горле вспыхнул пожар, но спине теплее не стало. Страх – он и гному ведом. Не перед врагом, другой. – Придумаешь тоже!

– Так что, твое безмозглое величество, есть у меня правнук? – Эфрых поднял голову и король ужаснулся его дрожащим губам, роняющим слова невнятно и без выражения. – Синий город ушел в гранит. От тридцатого уровня вниз, с развилки, начинается крошево. А футах в сорока лежат уже глыбы. Подвижка большая, от самой поверхности. Горы крепко плечами повели.

Видеть деда раздавленным было так страшно, что король не сразу понял, о каких уровнях идет речь. Лишь отдышавшись, осознал это и ощутил, что худшее еще впереди. Он прикрыл глаза и долго молчал. Потом ощупал бесполезный ключ на поясе. Достал еще два из кармана. Аккуратно выложил оба в рядок на столе. Добротные были замки. Его работа. И двери внизу хорошие, старая ковка, лучшая жила железа была именно та, ее еще при прадедушке начали выбирать. Древнее место – Синий город. Лежит чуть в стороне от жилых уровней, тянется с северо-запада на юго-восток, а вверх – подумать страшно! – Снеговые великаны, самое сердце кряжа. Оттуда и ползут цепкие каменные лапы горного хребта... Одна с севера огибает Рониг, страну предателей. Вторая тоже незаслуженно добра к людям и, ложась к югу, дает начало их большой реке – Ниге.

Ну, и на запад кряжец уходит, не такой могучий. Вроде бы Стена эльфов от него неподдающему. Синий город начинается там, в незапамятные века он имел сообщение с поверхностью. А потом эльфы заслонились Стеной, возгордились, общему прошлому изменили. И гномы ответили тем же, обрушив вход.

Выхода из Синего тоже нет. Был, вел в сторону Ронига. Да только лучшие жилы постепенно оказались исчерпаны, и тоннель завалили, чтобы не соблазнять глупых вершинников. Лезут в дыры, а потом приезжают гонцы от егерей или самого короля и нагло требуют спасти жадных до чужого добра воров, будто больше у гнома нет дел...

В общем, оставался один коридор с действующим выходом из Синего города. С тридцатого уровня, от развилки.

Король придерживал мысли, выстраивая своей обстоятельностью плотину отчаянию. Он помнил, как вел Рртыха по коридору, сомневался до самой развилки, все прикидывал – в обжитой Желтый, где свет и много глаз, способных приглядеть? Или в тихий пустой Синий, откуда ему не сбежать, коли дед не прознает, не освободит своей властью? И выбрал. Сам выбрал.

Дед глянул на короля и тяжело покачал головой.

– Уровень?

– Тридцать седьмой, там свежая рубиновая жила, – усердно сдерживая голос, сообщил король. – Это чуть в стороне. Может...

– Ты малолетним вершинником-то не прикидывайся, я два с лишним века тут живу, знаю, что «может», а что – дурь. Года три долбить, только чтоб достать... тела, – голос деда задрожал. – И то, если повезет. Вода пошла, твое упрямое величество не спросивши. Ладно, дело ясное.

– Нет.

– Молчи, бестолочь! – рявкнул дед и снова сник. – Нижний шлюз опустили уже. На тридцать втором. А воду выше откачаем. Странно мне такое огромное обрушение. Глянуть хочу. Может, крепили плохо, а может, иная беда. Как бы не было повторения, да в жилом городе. Желтый-то рядом. Там тридцать тысяч, и не рычи, ты король, они тебе все – дети. Береги хоть этих, коли не смог...

Дед сорвался с места и вышел, так качнув гранитную плиту двери, что она с гулом ударилась в медную раму и дала трещину. На эту трещину король Кнытф Гррхон смотрел долго, изучая ее узор до последнего штриха. Так подробно, что глаза стали слезиться. Он сморщился, упрямо достал недочитанный лист и взялся его просматривать. Проклятые буквы расплывались, не желая прояснять смысла сообщения.

Когда король допил пиво и дочитал бумагу, в коридорах уже пригасили фонари в преддверии ночи.

Дверь бережно откатила уверенная рука. Збыр Гррхон, Становой знахарь всего Гхросса, отец короля, вошел и замер у порога. Глянул на сына, смятого горем и закованного в кандалы собственного упрямства. Сидит, пытается работать – кому это сейчас надо? Его жене, которой через месяц рожать, а она уже все знает про Рртыха и не в уме, вопреки усилиям трех лучших знахарей? Старому Эфрыху, взявшемуся откачивать воду и втайне от всех уверенному, что его обожаемый пятифутовый малыш Рртых не погиб, ушел к северным воротам и там выберется? Или семьям норников, отосланных стеречь наследника?

– Назови имена тех, кого мы потеряли, – попросил знахарь. – Скольких ты запер с сыном? Полагаю, их было не менее дюжины.

– Семеро, – тихо отозвался король. – Я уже написал имена, вот.

– Иди домой, сын. Себя грызть никак не время. Гави плоха. Как бы не потерять и ее, и того, кто мог бы, родившись, зваться Рртыхом. Иди.

– Я должен думать о всем Гхроссе, отец. Люди нас предали.

– Ты должен быть с семьей и не прятаться от своей боли за глупостями. Клянусь кривой киркой, у меня уже терпение все как есть истерлось, не могу слышать о предателях и заговорах. Тебе мерещится. И я, как знахарь, сто раз запрещал ходить даже близко от Синего города – там зло. А ты полез сам и сына потащил. Если хочешь знать мнение Станового, который королю равен в таких вопросах, там и гноится заговор. Внизу. И, боюсь, крепко он прибрал тебя, уж не знаю, чем и как. Завтра утром изволь быть в моем коридоре. Буду петь, надо понять, что накопилось у тебя в душе.

– Изволью, коль приказано, – король оскалился зло. И зашипел, удивляя отца: – От тебя много и не дождешься, сам мудрый, а я и злодей, и глупец. Зато о стране думаю.

Збыр глянул на сына с удивлением.

Его давно беспокоило поведение короля, повадившегося огораживать свои покои норниками, будто в галереях Стального города есть враги. И подозревать – всех, по любому поводу. Конечно, история с послами непонятна, но разве она дает основания для поспешных и опасных выводов? Надо выслать наверх сильное посольство. Сотен пять отборных норников, трех-четырёх знахарей с боевыми навыками, умного посла. А от Ллтыхов чего ждать? Их, горемык, любой вершинник обидит – и без магии, и без большого отряда злодеев, – мирные они, к ювелирному делу склонные. Трех уважаемых стариков потеряли в королевских посольствах – и молчат, слезы глотают. А Кныттф чужого горя замечать не желает и тоже молчит. Будто нет его умысла и вины в опустошении рода. Малый рост – не повод приносить гнома в жертву.

Збыр тяжело вздохнул и пошел прочь. Если бы мор полувековой давности не унес почти всю семью, не прибрал жену, дочь и старшего сына – брата Кныттфа, не быть бы младшему королем. Он гневлив не в меру, упрям, склонен к простым решениям и груб. Но тогда Збыру пришлось отдать корону, не раздумывая. Он в те годы уже стал одним из лучших знахарей и отдавал лечению все время, все силы. Месяцами пропадал в дальних коридорах, обходил забои. Он, Збыр, еще будучи королем, попросил людей о помощи. И, кстати, вершинники откликнулись, прислали травы, отрядили своих слабеньких лекарей, и даже пару довольно толковых магов. Фруктов навезли, уверяя, что они нужны больным, еще дали молока и меда. И денег не хотели брать, особенно ближние, возле гор живущие, в северном Рониге. А теперь они – самые закоренелые и злейшие враги, как полагает новый король. Нехорошо. Дурная и слабая память – не для гномов характерна, этим люди грешат порой. А тут... сам король подгорный безумствует, злобой кипит.

Збыр возлагал большие надежды на внука. Мальчик рос не только сильным, но и толковым, что радовало отца. Он был умным, добрым, умел видеть душу и не копил зла.

Был! Старый знахарь закрыл дверь своей одинокой комнаты и привалился к стене. Сердце долбило ребра будто киркой, неровно и устало. Как же так, его Рртых, его мальчик, – и вдруг «был». Невозможно, несправедливо, чудовищно.

Воздух нехотя втекал в легкие и не давал сознанию ни крепости, ни ясности. Збыр осел на пол, из последних сил склонился на ложе.

Утром его там и нашли.

Ученики суетливо забегали, собрали старших, все вместе стали петь и звать. Заплутавшая в донных лабиринтах у корней гор усталая душа сама не найдет пути, ей надо посветить, подать руку, влить хоть малую горсть силы. Пещеры отчаяния огромны и темны, потоки боли глубоки и холодны... Если гном придумает, что виноват в чем-то, – и вовсе дело плохо. Путь по темному лабиринту долог.

Но старый знахарь справился, хоть и затратил на путь две недели. Дома осталось очень много дел, он знал это.

Збыр пришел в сознание на десятый день. Сила ушла по капле, пока старый знахарь добирался в мир живых. Желтая кожа облезала лоскутами, блеклые глаза смотрели слепо. Но старшего из рода Гррхон, своего отца, Збыр опознал и не глядя. Седой гном устроился на скамеечке у изголовья и гладил сына по голове, как когда-то очень давно, лет двести назад. Тогда он собирался в большой поход, барабаны били тревогу.

Барабаны?

Збыр охнул и привстал. Отец удержал его и снова уложил.

– Еще хуже, – буркнул он, понимая, о чем думает знахарь.

– Что, Война силы? – слабо шепнул Збыр.

– Гнева, объявлена война Черного гнева, – тяжело признал отец. – Мы вырастили никудышного гнома, сын. Он опозорил горы.

– Я не верю, – Збыр кое-как проморгался и увидел лицо отца, темное и усталое. – Это слишком даже для него.

– Не знаю. Я тоже становлюсь подозрительным. В завалах творили магию. Не наши песни, иная и злая сила. Один из норников услышал слова знахаря о чужой волшбе, да и донес до ушей короля. Хотел, как лучше. Мол, не люди нам враги, а иные существа – неведомые и опасные.

– Дальше.

– Гави умерла. Ты давно говорил, ей вообще нельзя было третьего рожать, но наш дурень хотел еще одного сына. Дочь ему не хороша... Роночка моя, красавица наипервейшая, не в радость остолопу!

– Дальше.

– Сын родился странным. Тихий... Знаешь, еще знахари сказали, темный.

– Это от материнного отчаяния. Я гляну.

– Поздно. Украли его, – задумчиво сообщил Эфрых. – На полу в комнате нож людей, пара их тряпок, следы сапог. Так, видишь ли, нарочито всё устроено. Вроде выходит, люди смогли незамеченными пройти в Стальной город, зарезали пять норников без единого звука... и выдали себя с головой на месте преступления. А потом ловко исчезли. Но король у нас думать не любит. Он в отчаянии, сын. Себя не помнит. Тут еще ты некстати рухнул. Снова люди, по его мнению, виноваты.

– Я не рухнул, папа, – усмехнулся Збыр. – Ты можешь не замечать, иные тоже. Нашли меня дети, у них нет опыта. Потом уже всё проветрилось. Это пальный газ, как мы, гномы, его именуем. Как и в чем его донесли сюда, ума не приложу. Но магию я ощутил. Не люди творили её, скажу сразу.

– А кто? – усмехнулся старый гном, заново придирчиво осматривая желтую кожу сына. – По всему похоже, он, газ. Чудо, что ты жив. И чудо, что газ – здесь. Без магии не обошлось. Олффы?

– Ты прав в том, что газ этот копится в некоторых донных ямах нижних штолен Синего города, и что выход оттуда в давние времена имелся на север, к долине олффов за Стеной. Но принесли его не олффы, им-то что в горах искать? Гораздо хуже, папа. Так плохо, что я готов пожелать смерти обоим своим внукам. Лучше так, чем... у них.

– Вдыхры, – зарычал старый. – Они, они. Верно. Норникам шеи вскрыли, любимое их дело. Быстры, никто и не заметил. И до наших лабиринтов эти твари охочи. Кажется, возле Синего города они и прошлый раз окапывались?

– Там, чуть поглубже.

Знахарь смолк и надолго задумался. Война Черного гнева ужасна. Одно хорошо, к ней готовятся шестнадцать лет. Достаточно долго, чтобы попробовать что-то изменить. Но для начала надо выздороветь. Окрепнуть, восстановить голос, без которого знахарь не способен творить песни. И обойти коридоры жилых уровней, слушая чужую магию. Она здесь, внутри мира гномов, Збыр не сомневался. Значит, есть ходы в Синий город, и сам он – не затоплен и не завален камнями.

Седой Эфрых думал о том же. Но куда более по-гномьи. Не искать и ждать: рыть и долбить! Только так, с усердием и должной скоростью. Надо прорваться к тридцать второму. Кто мог там опустить шлюзы? В горячке первых часов отчаяния он и не сообразил, потом показалось – неважно, забылось. Но это очень важно. Движение породы было одно и почти мгновенное. Но если разобрать последствия и слова выживших, то выходит – два. Первое беспокойство гор прошло низом, вроде предупреждения. Норники короля, поставленные стеречь коридор от собственного сына, добежали до ворот и опустили их, потом заспешили вверх, на тридцатый уровень. Так они и рассказывали. Только кроме них первого толчка никто не заметил! Выхо-

дит, не было его, а гномам внушили ощущения. Это трудно, но вдыхры способны постараться, если очень нуждаются в каком-то результате.

Так в каком же?

– Демон, – прервал молчание знахарь. – Это он, отец. Я помню легенду, древнюю, читал в наших летописях. Слабому демону нужен младенец, чтобы заново расти и копить силу. Или выросший уже темный человек, дурачок. Этому не повезло с глупыми и ему предложили сына погибшей Гави. Смерть матери ослабила защиту ребенка, знахарь тоже не пел над его колыбелью, даруя щит от черных сил.

– А я думал, хуже некуда, – сухо рассмеялся Эфрых.

– Теперь вроде некуда, – согласился сын. – Теперь любая новость будет к лучшему. Я отдохну, надо копить силы. И я не стану спешить. А ты попробуй добраться до шлюза, ты верно задумал. Потом решим, как действовать. Только надо помнить – они сильны. С освобождением демона и вовсе станут чудовищами из древних легенд.

Самый упрямый ученик

– Бархат небес, да за что мне это наказание? – Лоэльви в сотый раз изучил означенный бархат, но ответа не обнаружил. – Сам не спит, другим не дает, а пользы от наших бдений никакой. Ты с магией несовместим, гном!

– Не умничай, – посоветовал Рртых. – Мы, подгорники, народ практичный. Не вижу пользы в том, чтоб камень висел, или там – вбок падал. Вот он и не слушается. Ты учи меня на примерах.

– Тебя надо отослать к нашему вечному королю, в советники, – обреченно вздохнул эльф. – Как секретное оружие. Через год за Стеной станет пусто, все сюда сбегут. Вопреки самой непреодолимой магии...

– Не трать мое время впустую, – забеспокоился Рртых. – Учи с толком, куда для гномов полезно и важно двигать эдакую каменюку. Ты же нудный, клянусь кривой киркой, как начнешь причитать – до полудня не уймешься.

– Убью! В лепешку, этим вот камнем.

– Ух ты, пробрало, – уважительно кивнул гном. – Давай-ка я схожу, принесу нам завтрак.

Эльф обреченно покачал головой, сел и, почти неожиданно для себя, рассмеялся. Сорвался с места, добежал до перил, перегнулся и закричал вслед гному, прущему через нижний зал тараном, раздвигая плечами колонны, что в точности он, Лоэльви, желает получить на завтрак. Потому что уже знал – результат неконтролируемого выбора может сильно озадачить.

Потом невысокий темноволосый маг вернулся к столу и стал собирать посуду, напевая под нос заклинания, будто это безобидные стишки. Чашки, ложки и салфетки охотно слушались, не обольщаясь беззаботностью тона.

Три тысячи лет Лоэльви жил в мире людей, тоскуя по обществу и атмосфере родного края Лирро с его певучей мелодичностью голосов, умными острыми шутками, магической аурой первозданной земли, породнившейся с вечными. А еще там осталась навсегда утраченная для большого мира древняя библиотека, там были возможны беседы с магами, там бережно и благодарно принимали знания усердные ученики, постигающие науку заклинания веками. И сам он учился.

Увы... Три тысячи лет между ним, одиноким магом, и родной долиной стоит Стена, непреодолимая и темная, как упрямство короля. Порой только она и удерживала Лоэльви от решения покинуть Круг. Что можно дать людям за жалкие десять лет, даже если они стараются изо всех сил и порой умудряются продвигаться в магии куда быстрее любого эльфа? Все равно – лишь азы, и чуть глубже один раздел. Обычно это бой и защита. Словно нет ничего иного! А ведь магия – основа безупречного строительства, обновления земель, возрождения плодородия, лечения...

Он учил старательно, но, отдавая, не радовался, что знания нужны. Не искал благодарности и уважения. Он скучал по сородичам, впадая все глубже и невозвратнее в покой, который пугал мудрую Эриль. Потому что за покоем следует равнодушие, позже подкрадывается скука, за ней следует апатия. Все они – предвестники сна забвения. Лоэльви не желал забывать, но и помнить очень устал. Жизнь казалась оставленной далеко в прошлом, несравнимым красотой и яркостью с убогими буднями настоящего и жалкими обещаниями будущего.

Так было, пока не появился самый рыжий и бездарный из учеников, Рртых Третий. Гном презирал магию, считал ее бесполезной и требовал сделать хоть немного удобнее и приспособить, например, к раздуванию мехов. Прищурив мелкие синие глазки, он изводил учителя даже ночами, потому что магия не нагружает мышц и портит сон. Здоровенный рыжий наглец

звал мага на ты, в большой злости от своих неудач мог поставить на стол или задвинуть в угол, а его удручающе частые и вдумчивые советы были особенно невыносимы.

Результат перечисленных бед оказался парадоксальным и неожиданным, ибо к исходу второго года обучения Лоэльви признался себе, будучи трижды подряд не разбуженным ночами: без гнома – скучно! Обходясь при обучении за семь сотен лет без единого повышения тона, теперь он охотно и азартно орет на рыжего. С удовольствием слушает ответный басовитый рев, лишенный гармонии или мелодичности. Про такт и гномью манеру выражать мысли лучше, само собой, и не вспоминать. В общем, рыжий пятифутовый гном – как любила повторять Эриль – оказался наилучшим и единственным действенным средством от тоски вечности. С появлением Рртыха размеренная жизнь Круга обрела незнакомую прежде живость. Неутраченный молотобоец азартно гонял на разминках учеников мастера Кэльвиля, задирает молодых магов и норовил починить или усовершенствовать всё, что по недосмотру не успели спрятать. Еще он чистил коней, мыл полы, окапывал деревья...

Эриль, задумчиво глядя на усердие рыжего, предположила однажды, что у гномов нет магии именно потому, что они опасаются остаться без простой работы. А безделье делает их очень, очень опасными.

Во всем перечисленном имелся один маленький изъян, портящий настроение: гном был несовместим с магией. Хуже того, Лоэльви обнаружил после сложных опытов след заклятия шамана, от самого рождения лишившего Рртыха ряда способностей и задатков, необходимых сильному магу. Гном выслушал, подумал и согласился. Он наследник короны, повелителю гор негоже колдовать – подданные не поймут. К тому же все, кому выпадало имя Рртых, рождались воинами, а не знахарями или магами. И чем больше дано одного, тем меньше Труженик добавит другого.

С тем, казалось бы, можно было обучение прекратить, но третий из Рртыхов оказался в десятки раз упрямее самого усердного из прежних учеников эльфа. Вопреки всему он двигался, медленно оттесняя стену родового запрета. Хотя поверить в это казалось невозможно.

Зато Лоэльви ничуть не удивился, обнаружив ученика, волокущего наверх по лестнице три короба яблок вместо одного-единственного запрошенного.

– Я полагал, что обойдусь одним яблоком, – сообщил маг чуть раздраженно.

– Здесь семь сортов, – возразил гном. – И вообще... одни крупные, другие мелкие, одни кислые, другие сладкие до отвратительности. Вон это смешное, кривое и с листиком. Тебе что, без разницы? Выбирай.

– Вынуждать меня к выбору – это идея Эриль, – эльф заподозрил неладное. – Она и тебя подговорила? Увы, всюду измена. Ученик идет против учителя, любимая наставница потакает ему.

– Ага, с вами сам дойдешь до личных интриг, без потаканий, – обозлился Рртых. – Это до чего надо магией дурную эльфийскую башку забить, чтобы три тыщи лет добавлять к слову «любимая» глупости про «наставницу»? Зато я понял, отчего эльфов так мало. Вы все, слышишь, поголовно – кроты слепые, молотом по макушке стукнутые. Как еще хоть кто-то жив, не понимаю... Вот тебе отличное красное яблоко, не ной про выбор. Я пошел.

– Так я хотел зеленое...

– Труженик, ну когда я научу этого эльфа вовремя решать, чего он хочет? – Насмешливо воззвал гном и добавил: – Хотя прогресс налицо, он думал пять минут, а не сто лет. Яблоки еще не высохли. Это – достаточно зеленое?

– Злой ты. Я сам возьму.

– Я практичный. Жуй свое яблоко и топай в садик, там Эриль гуляет, ее довели наши маги, у них тоже что-то не получается, не один я бездарь. Поговори с ней о погоде – надежная тема, как раз для эльфов. Глядишь, не пройдет и сотни лет, как догадаешься зайти дальше

и спросить, не согласится ли она поужинать и обсудить с тобой этого... да, как там вашего обожаемого поэта? Или музыку заунывную послушать, тоже дело. А я буду ронять камень. Не переживай, мое усердие ты разберешь и оттуда, до успеха далеко, но грохот будет...

– Регулярный, – рассмеялся маг, торопливо рассовывая по карманам еще три яблока, про запас. – Ладно, пойду поговорю про музыку. Глупо это.

– Глупо стоять тут. Иди уже, пока я тебя не вышиб в окошко, вместо камня. От злости может и получится.

Маг задумался на мгновение – и двинулся к лестнице.

Увы, план музыкальных бесед не удалось реализовать незамедлительно. Вверх поднимались и Эриль, и рослый светловолосый учитель боя, и его – с некоторых пор любимый – ученик Брав. Последний коротко поклонился магу и гному именно он изложил причину визита.

Брав очень хотел продолжить обучение, но не решался дольше задерживаться в Круге, слишком многое изменилось в мире, опасно пошатнулось, а то и повернулось к большой войне. До Круга доползли слухи, что в горы вернулись все до единого гномы-торговцы, державшие лавки и ювелирные мастерские в городах людей. Их ждали и впустили, открыв один из входов. А еще из подгорного мира вышел боевой гном в вороненом стальном полном доспехе – гонец Черной войны гнева. Он спустился с гор и передал письма с объявлением войны для всех стран, куда ранее не добрались погибшие посольства гномов. В письмах имелись мало приятные намеки на коварство людей, желающих гибели рода Гррхон.

Думая о возвращении в Леснию, Брав кропотливо изучил предполагаемые маршруты от южного побережья до башни ордена. И собирался по пути домой попытаться найти тайное место и все же выяснить, отчего «орденцы» не дают о себе знать.

Кэльвиль коротко кивнул, едва ученик закончил говорить – он считал план верным и своевременным.

– Одно уточнение, – мягко сказал эльф. – Я пойду с Бравом. Если там ведимы, нам и двоим будет худо, а одному ему никак не пройти. Места глухие, помощи ждать не приходится. А орден – идея и ответственность эльфов.

– Ты не маг, – Эриль явно повторила довод, уже однажды не сочтенный важным.

– У вас школа, вы не имеете права уходить, – возразил светловолосый. – Я далеко не уникальный воин, к тому же устал от Круга. Я следопыт, мне тошно без леса, – он посмотрел на обоих соплеменников почти жалобно. – Там цветет лето, а следом зашуршит осень, воссияют мои любимые золотые клены. Не держите меня.

– Только, пожалуйста, помни о ведимах, рассматривая клены, – сокрушенно согласилась Эриль. – Мне очень беспокоит.

– Эх, мне бы с вами, – расстроился гном. – Но на полпути дело негоже бросать. Я должен хоть малому научиться, чтобы людей от заговора вддыхров будить, в сознание возвращать, чтобы камни, по воле вддыхров вздымающие шипы и пики, заново успокаивать, как отец Энтора во время боя делал. Годик еще, я пробьюсь. Вы уж там не лезьте в самое жерло. Брав, ты разумный мужик, пригляди за эльфом. Пригляди! Эльфы все непутевые. Правда, этот получше прочих.

Лоэльви рассмеялся и ушел, пообещав наскоро собрать полезные мелочи.

К полудню двух путников провожали все обитатели Круга. Застоявшийся без дела вороной грыз удила и просил повод. Легкий золотисто-рыжий конь эльфа красовался и гарцевал, радуясь, что для него нашлось дело.

Белое южное солнце слепило глаза, но гном упрямо моргал и смотрел, то и дело утирая слезы. Стоял на солнцепеке, пока два всадника удалялись по узкой тропе из узорного мрамора.

Широкие лапы гнома дергали отросшую бороду, а губы без звука шептали обещание одолеть проклятую магию, не желающую сдаваться, будто она из алмаза выточена. Непременно одолеть всю, до последней корки, чтобы извести вдыхров на веки веков.

Добрый след

Брав покинул Круг с легким сердцем. Он соскучился по дому, где уже три года без отца рос малыш Ратич. А еще его ждали в Леснии воины, и воевода втайне надеялся уговорить своего учителя-эльфа хотя бы недолго погостить в гарнизоне. Место хорошее, и кленов там – как по заказу, целые рощи, да еще разнорослых. Даже зовется городок близ заставы очень подходящее для слуха Кэльвиля – Клёнки.

Оказавшись на берегу, эльф направил коня на старую заросшую тропу, уводящую не к устью торговой реки Стови, а западнее, вдоль моря, до мелкой и неудобной ладьям Пражицы. Путники заранее договорились: эта дорога короче и вполне удобна для конного. Идет берегом реки, иногда топкими местами, потому и нелюбима обозниками. А раз проезжих мало, селятся люди по Пражице негусто, живут бедно. Брав полагал, здесь почти нет шанса натолкнуться на ведимов или встретить холодный прием усиленных военных разъездов, которые придирчиво относятся к крупным торговым путям.

Кэльвиль предпочел эту тропу по иным причинам. Друг Ориль, время от времени навещавший Круг мудрых, обычно пользовался указанным трактом. И, если есть хоть малый шанс встретиться, следопыт не желал его терять. К тому же он понимал, что отвык от шума людских дорог, и не желал выделяться своей неосведомленностью. Да и выговор у него странноватый, привлекающий внимание. Но и на малой тропе путники не затерялись. В первом же пыльном селении люди с огромным интересом стали рассматривать коней, дивясь их стати и несхожести. А потом не обошли вниманием и богатую добротную одежду путников, и их торопливость.

Брав хмурился и немного жалел, что выбрал короткую дорогу. Он, в отличие от эльфа, полагал, что в шумной толпе прятать странность легче, чем в чистом поле. А Кэльвиль выглядел очень необычно: слишком стремительный и гибкий, с незабываемыми для юга волосами цвета серебряной полыни, с тонкими красивыми чертами лица. Но это – полбеда. Поймав теплый взгляд серых глаз, люди почти невольно улыбались, кланялись приветливо... и еще долго смотрели вслед. Брав буквально слышал, как они без звука шептались, что именно таков должен быть эльф.

Сам учитель ничего необычного в поведении людей не замечал. Он радовался дороге, как узник, получивший свободу после долгого заточения. Смеялся, напевал, болтал с окружающими, рассказывал воеводе, как путешествовал здесь прежде в разное время. Удивлялся, насколько изменились русло речушки... Брав хмурился и старался ускорить движение, отделаться от случайных попутчиков, оборвать разговор, если он доступен чужим ушам. По той же причине отдыхать воевода предпочитал мало, лишь когда того требовали кони.

Эльф честно признался, что лошадь взял исключительно потому, что так у людей принято. И – он очередной раз виновато улыбнулся – чтобы задерживаться на постоянных дворах. Брав махнул рукой на Кэльвиля, безнадежного в своем желании заново изучать мир и помогать всем, догадавшимся обратиться за помощью. В конце концов, светловолосый умудрялся помогать не только успешно, но и быстро. И, хотя соплеменники его не считали магом, он умел многое. Воевода видел, как чуткие пальцы учителя гладят старую язву, высушивая ее в несколько минут, как они собирают кости после сложного и неудачно сросшегося перелома, хотя Кэльвиль – не лекарь. Видел и то, как следопыт сразу указывает место для колодца, раз старый высох. Каждый день эльф умудрялся найти себе дело. А Брав глядел и с тоской понимал, насколько много потерял мир людей, лишившись соседства чуждых ему во многих отношениях существ – эльфов. Ведь буквально каждое селение, покинутое Кэльвилем, стало хоть немного счастливее, избавив старую, нерешаемую проблему. А еще приятнее то, что, поговорив с эльфом, люди иначе улыбались, мягче и теплее. Словно отсвет его радости согревал их усталые души.

Сухая степь страны Бильсы, широко раскинувшаяся по берегу океана, простиралась на пять сотен верст к северу. Миновать ее удалось за два месяца, и эльф виновато признал – целиком его вина, не стоило так часто задерживаться. Впредь он станет осмотрительнее. Брав рассмеялся и предложил иное слово – «невнимательнее». Учитель пожал плечами и обещал подумать.

Граница Бильсы и Рэнии проходила по притоку Пражицы. Собственно, так реку звали на севере, и Брав использовал привычное для себя имя.

Заставы пропустили путников на удивление легко. Обаяние эльфа оказалось, как понял воевода, неотразимо и для привыкших ко всему хранителей беспокойного приграничья.

Земли Рэнии с каждым днем все более напоминали Браву милую родину. Здесь степь мяли складки холмов, ручейки поили землю, собирались, сплетались в неширокие спокойные реки. Кусты и деревья давали тень у воды. Скот по-прежнему пасся большими стадами, но появились уже и возделанные поля, и крупные села – зажиточные, зеленые и уютные. Совсем иные, чем пыльные стоянки южан, привыкших кочевать. Воевода довольно отметил: лето в зените, до гор осталось три сотни верст, это месяц пути. Что особенно приятно – при хорошей погоде, когда дни еще длинны и ехать удобно вдвойне.

Брав, стараясь ускорить движение, теперь обходил людные и шумные поселки. Там, он уже понял, непременно найдется хотя бы одно несчастье, способное задержать впечатлительного эльфа.

– Мы восьмой день живем сухими припасами и охотой, – робко пожаловался Кэльвиль как-то. – Пирогов бы...

– Тебе не по вкусу моя стряпня?

– Так во-он там, на горочке, село, – с надеждой вздохнул неисправимый эльф. – Ну что ты вцепился в повод моего коня, будто я не могу с ним управиться!

– Это не село, а еще один потерянный день, – резонно уточнил Брав. – Вами, эльфами, должен править гном. Представляешь себе результат?

– С трудом, – рассмеялся Кэльвиль, тоскливо оглядываясь на аккуратные домики. – Рртых уже правит Кругом, если разобраться. Обещал гонять моих учеников без усталости. Знаешь, у него странная и интересная школа боя. Я слышал, древние эльфы делились с гномами нашими приемами и смешивали стили. У нас не сохранилось итогов обмена, мой учитель был последним, знавшим тот бой. Он отказался в полной мере передать мне знания, я же из рода Шаэль, мы для тяжелого оружия не очень подходим.

– Зато в своем стиле ты так хорош, что учишь нас с трудом, мы слишком медлительны, заметно, как приходится менять приемы под скорость движения людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.